Master Negative
Storage Number

OCI00050.04

Evstignieev

Gromoboi, vitiaz' novgorodskii

Mosvka

1874

Reel: 50 Title: 4

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION
Master Negative Storage Number: OCl00050.04

Control Number: BGL-6285
OCLC Number : 24822110
Call Number : W 381.5917L Ev79g
Author : Evstignieev.
Title : Gromoboi, vitiaz' novgorodskii i sem' morskikh krasavits : starinnoe predanie / soch. Evstignieeva.
Imprint : Moskva : Izdanie Sharapova, 1874.
Format : 158 p. ; 18 cm.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10-28-94
Camera Operator: CS

ГРОМОБОЙ.

ВИТЯЗЬ НОВГОРОДСКІЙ

и

СЕМЬ МОРСКИХЪ КРАСАВИЦЪ.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Ф. Іогансонъ, у Красн. в., д. Іогансонъ.
1874.

1

ГРОМОБОЙ

ВИТЯЗЬ НОВГОРОДСКІЙ.

И

СЕМЬ МОРСКИХЪ КРАСАВИЦЪ.

СТАРИННОЕ ПРЕДАНІЕ.

Соч. Евстигнѣева.

МОСКВА.
Изданіе Шарапова.
1874.

Дозволено Цензурой. Москва 15 Октября 1873 г.

Тип. В. Я. Барбей. Мясницкая Златоустовскій пер. д. Воейковой.

ГЛАВА I.

Два ночлега. Очаровательный голосъ Пустынникъ.

Была темная дождливая ненастная ночь зги невидать! Грязь топь и слякоть покрывали дорогу когда въ это время какой-то всадникъ ѣхалъ по этой дороги; лошадь, скользя спотыкалась ежеминутно и раскидывала, копытами грязь въ стороны. Кругомъ никого невидать и нигдѣ никакой избушки ни сторожки. Всадникъ бранился и понукалъ коня.

Но вотъ вдалекѣ мелькнулъ огонекъ, всадникъ всмотрѣлся въ свѣтящуюся точку и на всякій случай пришпорилъ лошадь.

Онъ не обманулся. При окраинѣ лѣса на перекресткѣ стояла лачуга ни дать ни взять избушка на курьихъ ножкахъ. Всадникъ подъѣхалъ и застучалъ такъ крѣпко въ дверь, что избушка закачалась.

и старуха за хлопотала около печки, какъ гостепріимная хозяйка, ей хотѣлось угодить гостю.

— Эй кто тамъ? кого тутъ принесла нелегкая? раздался изнутри голосъ.

— Пріюти крещенаго хозяинъ, аль хозяюшка отъ темной ночи да отъ непогоды.

— Поди, поди!... и съ этимъ словомъ дверь отворилась и старуха впустила незнакомца въ избу; встрѣчая съ лучиной, старуха была желта какъ рыжикъ, стара какъ смертный грѣхъ.

Бабушка здорово!... Спасибо за гостепріимство. Да укажи родная, куда бы коня моего прибрать?

— Я сама пожалуй подъ навѣсъ поставлю, сказала старуха, изъ уваженія къ богатырю, но тотъ по указанію самъ отвелъ лошадь на указанное мѣсто.

Незнакомецъ былъ молодой Новгородскій богатырь Громобой. Шлемъ кольчуга и доспѣхи сіяли серебромъ и золотомъ. Широкій длинный мечь доказывалъ, что некаждому дается сила, чтобы поднять его. Но онъ былъ еще молодъ, такъ, что врядъ ли ему было съ чѣмъ нибудь двадцать лѣтъ.

— А, что бабушка ты не боишся меня? ты кажись здѣсь одна.

— Чего боятся-то. Взять у меня нечего: Не ужели ты такой молодой богатырь, да будешь за мою хлѣбъ соль зломъ платить?

Разумѣется есть русская пословица: «что есть въ печи, то все на столъ мечи», а пословица по вѣкъ не сломится.

Вотъ дѣло прозабралось. Старуха до прежь всего угостила богатыря, чемъ Богъ послалъ, а потомъ устлала ему постельку; тутъ-то богатырь и расположился спать.

Спать ему было сполугоря, потому умаялся, это разъ—а другое дѣло—было нужно встать поранѣе здѣлать дѣло по гораздѣе; вотъ потому-то и не мудрено, что богатырь всталъ ранѣе раннихъ пѣтуховъ, подточилъ на сѣромъ камнѣ свой булатный мечь и сказалъ старухѣ—хозяюшкѣ.

— Прощай старушка! Не поминай лихомъ и на-ко возми отъ меня плату.

— Экой мудрецъ! да мнѣ стыды брать съ тебя плату. Мнѣ только и удовольствія, что тебѣ дать пользу; вѣдь ты молодецъ богатырь и посейчасъ про тебя толки идутъ, а што опослѧ скажутъ—только я знаю.

— А ты, развѣ, бабка—угадка?

— Мерекаю малую толику, кормилецъ.

— Ну-ка скажи мнѣ удастся ли мнѣ мое намѣреніе?

— Э! богатырь! не далеко впредь узпавай, а на Бога уповай. Не надѣйся на силу богатырскую на широкій да долгій мечь, которымъ можешь десятокъ головъ сразу снесть

съ могучихъ плечь, а живи по смирнѣй, дѣло будетъ складнѣй; и противъ тебя найдется сила, которая не одного богатыря съ ногъ сбила, сказала старушка.

— Такъ, что-жъ; ты, мнѣ предвѣщаешъ не хорошее?

— Э полно пытать меня молодецъ. Грядущее видимъ, прочее спозналъ, а будущаго недобивайся замѣтила старушка.

— Ты меня привела въ раздумье, сказалъ богатырь, смотря на старуху опираясь на мечь.

— Нечего раздумывать, молодецъ! хочешь не хочешь, а туда попадешь куда нечаешь, то испытаешь, чего сейчасъ не знаешь.

— Ты безтолково говоришь бабка, я ничего не понимаю.

— Да вотъ какъ хочешь: отъ меня три дороги по которой хочешь поди, а того не избѣжишь, что тебя ожидаетъ.

— Ну, а чтоже меня ждетъ?

— Если ты такъ пристаешь скажу, пожалуй. Ты ѣдешь богатырствовать, а тебя ждетъ красавица.

— Богатырь пожалъ плечами. Онъ былъ очень молодъ, красивъ, статенъ и силенъ; но еще не зналъ не вѣдалъ, что существуетъ на свѣтѣ любовь, а потому и на красавицъ смотрѣлъ весьма равнодушно.

— Слыхалъ я што то такое про другихъ бабушка, да только не про богатырей Новгородскихъ; я не изъ такихъ, чтобы обабиться, да при томъ же если время богатырю, бросать свой мечь, тогда когда землю русскую то и дѣло раззоряютъ иноплеменники, злые вороги.

— Ладно, ладно! однако разсуждать некогда, слышишь какъ ржетъ твой рѣтивый конь, отправляйся своимъ путемъ—дорогой.

— А гдѣ мнѣ ближе ѣхать до Кіева?

— Да гдѣ не поѣзжай, все будетъ ладно, мѣтишь на Кіевъ, а попадешь въ Новгородъ!

Простясь со старушкой, богатырь вышелъ, и, вскочивъ на своего коня, помчалъ по первой попавшейся дорогѣ.

Дорога была широка, долга и гладка, то лѣсъ, то необозримыя степи, то и дѣло встрѣчались на пути. Богатырь мчался впередъ и впередъ.., Но вотъ наступилъ сумракъ, заволоклось небо тучами и угрожало дождемъ. Холодный вѣтеръ, предвѣстникъ непогоды, началъ пронизывать всадника надорогѣ невидать ни жилья, ни людей, и не смотря на хорошо повидимому наѣзженный путь, онъ былъ безлюденъ.

— Чго-то будетъ далѣе, а теперь ничего не видать. Плохо будетъ, если придется ночевать на этой дорогѣ, или хоть въ лѣсу

подъ дождемъ; однако чѣмъ то кончится... и всадникъ погналъ своего ретиваго, но уже усталаго коня.

— Поздній вечеръ, пустынный путь ему на доѣлъ; проливной дождь то и дѣло угрожалъ всаднику, не смотря на то-что еще ни одной капли не канулo на его серебренную броню.

Но вотъ, наконецъ, къ удовольствію всадника вдали показался красивый теремъ и при томъ довольно хорошо освѣщенный; а! подумалъ всадникъ. Вотъ онъ мой ночной пріютъ. Здѣсь навѣрное пріютятъ славнаго Новгородскаго витязя Громобоя и богатырь шпорами и плетью побуждалъ усталаго коня впередъ; впрочемъ, кажется и самъ конь предъугадывалъ нетерпѣніе всадника, потому что усилилъ свой бѣгъ.

Наконецъ всадникъ остановилъ лошадь у большихъ тесовыхъ воротъ и застучалъ.

Стая бѣшеныхъ псовъ откликнулась на этотъ стукъ и вскорѣ, кто-то подойдя къ воротамъ, спросилъ:

— Кто тамъ?

— Я.

— Кто ты?

Новгородскій богатырь Громобой, прошу пріютить меня отъ темной ночи.

— Милости просимъ добрый богатырь! Былъ привѣтъ привратника и скоро всадникъ, гремя кольчугою и доспѣхами, въѣхалъ на дворъ.

Привратникъ принялъ коня и передалъ его конюхамъ, между тѣмъ какъ его повели въ теремъ и Громобой очутился въ богатоубранной свѣтлицѣ. Дверь отворилась и его встрѣтилъ сѣдовласый старичекъ, величественнаго роста и благородной осанки.

Привѣтствую тебя мой желанный гость Громобой, сказалъ старикъ,

— Извини добрый хозяинъ, что я тебя потревожилъ, отвѣчалъ съ поклономъ Громобой.

— Нѣтъ родной!... Я каждому православному христіанину неотказываю, а тебѣ тѣмъ болѣе, я про тебя слыхивалъ не однажды. Ну скажи доброй мой витязь, что ты хочешь: теплую-ли баню? спать-ли? или поѣсть хлѣба-соли?

— Да, добрый хозяинъ, о банѣ рѣчь впереди, а отъ хлѣба-соли я неотказываюсь, а о снѣ и поготово толковать нечего.

Старикъ взялъ богатыря за руку и повелъ въ одну изъ богатоубранныхъ комнатъ. Роскошь стола изумила богатыря; кушанья, которые врядъ ли могли только видѣть богатые Новгородцы, въ самомъ изящномъ видѣ

приготовленные, стояли на столѣ и не смотря на то, что домъ этого старика былъ великъ, столъ былъ накрытъ только на два прибора, между тѣмъ, какъ слугъ было множество, готовыхъ по одному взгляду исполнить все требуемое.

— Ну гость садись, сказалъ старикъ.

— Лишь только сѣлъ Громобой и также сѣлъ гостепріимный старикъ, какъ заиграла музыка, скрытая за стѣною. Музыка была такъ очаровательна, что Громобой боялся ѣсть, чтобы не нарушить дивной гармоніи звуковъ.

Окончивъ піесу, музыка смолкла и вмѣсто ея очаровательный голосъ запѣлъ.

Я люблю, тебя не зная
Но судьбина моя злая
Жить велить на заперти
Никуда мнѣ не уйти.
Часто я тебя видала
Въ поздній часъ, когда бывало
Спать заляжешь и успешь...
Витязь! ты ко мнѣ придешь.
Витязь! Помни мое слово,
Я любить тебя готова,
Ты мнѣ дѣвицѣ повѣрь,
Какъ тебя люблю теперь.
Ты во снѣ красавицъ снился
Если бъ въ живѣ ты явился

Скрылься бы съ тобой
Витязь молодой.

— Кто это такъ очаровательно поетъ экой голосъ, золото! Спросилъ Громобой.

— Да! голосъ богатый, только это дѣвушка помѣшанная; она бредитъ какимъ-то рыцаремъ, витяземъ и во снѣ и въ явь, говорилъ хозяинъ.

— Но голосъ этотъ запалъ глубоко въ сердце Громобоя и когда загрѣмѣла вторично музыка, то молодой Громобой уже не слыхалъ въ ней той прелести, которой была полна она прежде голоса чудной незнакомки.

Какъ должно быть хороша обладательница этого голоса! думалъ онъ.

Порусскому обыкновенію, послѣ ужина ложились спать тотчасъ же и поэтому богатырю отвели покой съ мягкою постелью, гдѣ онъ расположился соснуть.

Но сонъ его долго не приходилъ. Очаровательный голосъ еще звучалъ въ его ушахъ и заставлялъ думать о незнакомкѣ и придавать ей необыкновенныя прелести. Наконецъ онъ заснулъ.

Долго ли онъ спалъ неизвѣстно; но извѣстно, что богатыри всегда спали могучимъ непробуднымъ сномъ, къ какимъ принадлежалъ и нашъ богатырь. Вотъ и видитъ во снѣ Громобой, что къ нему подходитъ кра-

савица, такой неописанной красоты, о какой онъ неимѣлъ никакого понятія.

— Здравствуй богатырь Громобой! давно-давно я тоскую о тебѣ; я давно знаю тебя и только теперь могу видить тебя и то во снѣ. Прошу тебя, спаси меня и я буду твоею. Спаси, спаси, спаси меня! Сказавъ эти слова незнакомка пропала...

Пробудился богатырь, тряхнулъ головою и перекрестясь, сказалъ:

Куда ночь туда и сонъ! Мало-ли что пригрезится; сонъ въ сторону, а пора-пора мнѣ доброму молодцу собираться въ путь-дороженьку. Утро чуть брезжило, а богатырь уже былъ на конѣ и серебряная кольчуга уже сіяла на-немъ, а золотой шлемъ кидалъ лучи свои и легкій утренній вѣтерокъ игралъ пучкомъ соколиныхъ перьевъ съ кокетствомъ приколотыхъ къ шлему.

Простясь съ гостепріимнымъ хозяиномъ онъ помчался впередъ, торопясь въ Кіевъ, а въ ушахъ неумолкалъ серебристый голосъ незнакомки и въ воображеніи мелькалъ ея прекрасный свѣтлый ликъ и сонный бредъ постоянно выражался словами: Спаси меня, спаси меня».

—. Что значить это? Неужели это мечта нѣтъ, это что-то необыкновенное? Думалъ

Громобой, понукая своего коня. Онъ терялся въ догадкахъ и предположеніяхъ; но чѣмъ болѣе вдумывался, тѣмъ болѣе расшибались его предположенія и мысль все болѣе и болѣе мучила его воображеніе.

Да што же это значитъ? недемонское ли это навожденіе? Сгинь-пропади нечистая сила!

Но воображеніе его было неумолимо.

Напрасно онъ желая разбить свою докучливую мысль обращалъ своё вниманіе, на разстилающуюся, передъ нимъ степь, или пронизывалъ своимъ орлинымъ взоромъ не проходимую лѣсную чащу, вездѣ и всюду она являлась предъ нимъ, какъ тѣнь, и голосъ, слышимый имъ во снѣ слышался и сейчасъ: «спаси меня! спаси меня»!

Долго ѣхалъ богатырь когда усталый и измученный подъѣхалъ онъ къ источнику, чтобы напиться воды и напоить лошадь. Не въ далекѣ отъ этого источника стояла хижина или скорѣе шалашъ, сдѣланный изъ прутьевъ.

Напоивъ лошадь, Громобой подошелъ къ шалашу, чтобы заглянуть во внутренность, какъ увидѣлъ, что въ этой палаткѣ сидѣлъ старикъ одѣтый во все черное, сѣдая борода и волоса на головѣ его говорили о лѣтахъ: Онъ что то читалъ, что было видно полежащей предъ нимъ хартіи.

— Здравствуй Громобой! Сказалъ старикъ, погладивъ себѣ бороду.

— Не вогнѣвъ будь тебѣ дѣдушка, полюбопытствовалъ заглянуть къ тебѣ въ избушку, я недумалъ даже, что въ такой глуши живутъ добрые люди.

— Люди живутъ вездѣ, сынъ мой! а тѣмъ болѣе пустынники стараются избрать такую глухую мѣстность, чтобы ни что не мѣшало ихъ уединенію. Мы стараемся болѣе всего бесѣдовать сами съ собою, и почерпать мудрость изъ ученія людей великихъ, чѣмъ изъ бесѣдъ съ людьми себѣ подобныхъ.

— И вамъ пустынникамъ не скучно?

— Нѣтъ! развѣ человѣку можетъ наскучить пища, сынъ мой.

— Нѣтъ! она поддерживаетъ наше тѣло.

— Точно также пища духовная питаетъ душу и никогда не можетъ насучитъ тому, кто добивается вѣчной истины.

— Но что же вамъ даетъ наука.

— Наука учитъ познавать природу и въ природѣ могущество ея творца.

— Это для меня мудрено дѣдушко! сказалъ Громобой. Вотъ лучше повѣдай мнѣ, что ты можешь мнѣ сказать впередъ.

— Старикъ пожалъ плечами и сказалъ: Грядущее по власти Бога закрыто, мой сынъ и только нѣкоторые имѣютъ преиму-

щество провидѣть, что впереди. Но тебѣ зачѣмъ нужно это?

— Потому, что я незнаю его.

— Нѣтъ.... Я въ теченія моей жизни, многимъ сказалъ ихъ будущее, но къ чему это служитъ, какъ не къ горю. Ты желая знать будущее, этимъ хочешь узнать, что тебѣ назначилъ впередъ въ удѣлъ Творецъ, который скрылъ отъ насъ это, по этому съ твоей стороны естли справедливость желать не возможнаго? Предположи себѣ, что ты знаешь будущее, что будетъ тогда съ тобою, ты будешь желать или скорѣе прожить время до того, когда тебѣ предсказаніе обѣщаетъ лучшее или продлить время, когда открытое будущее тебѣ ничего не даетъ, кромѣ горя; дожидаясь хорошаго будущаго, ты съ умысломъ торопишься жить и много времени убьешъ безъ пользы; при дурной будущности ты лишенъ всякой отрады, всякой надежды и готовъ скорѣе пресѣчь нить жизни. Довольствуйся тѣмъ, что знаешь и помни, что долго ли, коротко ли, но всѣ мы должны умереть, вотъ тебѣ и будущее.

— Такъ-то такъ, дѣдушка, сказалъ Громобой, но во всякомъ случаѣ, если ты хочешь отъ меня скрыть то, что я очень желаю, то объясни мнѣ, что значитъ мой сонъ, и что значитъ, что я безпрестанно слышу

голосъ: «спаси меня! спаси меня!» И пр этомъ Громобой пересказалъ отъ слова д слова всѣ обстоятельства ночлега у богата го старика и упоительное пѣніе интересно пезнакомки.

— О, сынъ мой, бойся этого голоса.

— Но чѣмъ же я могу избавиться, есл онъ мнѣ такъ опасенъ?

— Онъ тебѣ сдѣлаетъ много непріятностей, впрочемъ, что за непріятности, цѣлыя несчастія, если ты не примешь мѣры.

— Какія же мѣры, дѣдушка?

— Я тебѣ помогу въ этомъ случаѣ, у меня есть для этого такія предметы, которыя спасутъ тебя.

Старецъ всталъ съ своего мѣста и пошелъ въ уголъ своего шалаша. Въ углу лежали нѣсколько пучковъ травъ. Старецъ выбралъ одинъ изъ пучковъ, пошепталъ надъ ними съ минуту, скаталъ изъ пучка вмѣстѣ съ землею нѣсколько травинокъ и, сдѣлавъ небольшой катышекъ, оторваннымъ лоскуткомъ одежды завернулъ его и велѣлъ носить на поясѣ.

Лишь только успѣлъ богатырь навязать себѣ на поясъ этотъ узелокъ, какъ пропало у него все то, что такъ тревожило его воображеніе.

Богатырь, поблагодаривъ пустынника, вышелъ изъ его скромной обители, но пустынникъ, напутствуя его до порога, твердилъ:

— Смотри, сынъ мой! береги этотъ узелокъ, иначе ты можешь погубить свою душу, не забудь и меня впослѣдствіи, я тебя жду.

Богатырь поѣхалъ далѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Шайка печенѣговъ. Ночлегъ въ лѣсу. Волшебная травка, возвращеніе.

Не успѣлъ онъ отъѣхать десятка верстъ, какъ увидѣлъ ѣдущихъ на встрѣчу шайку печенѣговъ.

— Не быть добру! сказалъ самъ себѣ Громобой. Придется вынуть изъ ноженъ свой булатный мечь-кладенецъ *) и вынувъ мечь поѣхалъ смѣло навстрѣчу.

— Эй, русскій богатырь! али любо силами помѣряться, съ нами потѣшиться? послышалось со стороны печенѣговъ.

— Силою тѣшатся безъ оружія, а силою мѣряются одинъ на одинъ, а сто на одного

*) Не лишне замѣтить, что „кладенецъ“ можно производить отъ слова: укладъ—названіе стали и также отъ глагола: „укладывать“ т. е. поражать.

нападаютъ. А впрочемъ, любо отвѣдать булатнаго меча, такъ ступайте всѣ на меня.

Конь Громобоя взвился на дыбы и махнулъ въ нестройную толпу печенѣговъ, мечъ его разилъ направо и налѣво и печенѣги валились, какъ снопы. Какъ вихорь леталъ Громобой, между печенѣговъ; кровь ручьями текла на далекое пространство. Некогда было подумать даже о стрѣлахъ, да впрочемъ, необыкновенное проворство витязя не допускало никакой возможности, сопротивляться, отступать и бѣжать съ поля битвы.

Усталъ герой и не видя впереди себя никого изъ противниковъ, вздохнулъ и вложилъ въ ножны мечь.

— Ухъ! какъ усталъ! теперь и десятка не уложишь, сказалъ про себя Громобой.

Но лишь вымолвилъ онъ одно слово, какъ довольно сильный ударъ послѣдовалъ сзади, такъ что Громобой покачнулся.

— Это что такое? спросилъ онъ и при этомъ оглянулся.

— Вотъ тебѣ и што!... сказалъ стоявшій съ мечемъ печенѣгъ, который ударомъ пересѣкъ ему ременный поясъ. Витязь разсердился и тутъ же уложилъ послѣдняго на мѣстѣ. Но этимъ дѣло не кончилось.

Лишь только поясъ свалился съ него прежніе восхитительнымъ голосомъ произносимые

слова: «спаси меня—спаси меня!» и прежній пріятный призракъ лица незнакомки опять появился предъ нимъ, въ болѣе ясныхъ формахъ.

— Опять очаровательное видѣніе, подумалъ онъ и невольно схватился за поясъ, но его не было, а съ нимъ вмѣстѣ и охраннаго мѣшечка съ удивительными травами.

Съ досады витязь ударилъ коня нагайкою и конь помчался какъ стрѣла, вскорѣ оставивъ за собою на нѣсколько верстъ кровавое поле битвы.

Усталый всадникъ задремалъ въ седлѣ, потому что совершилъ такое побоище, члены его потребовали отдохновенія, кромѣ того время клонилось къ вечеру, слѣдовательно нужно было позаботиться найти какой нибудь пріютъ, или покрайней мѣрѣ безопасное мѣсто, гдѣ бы онъ могъ сохранить своего товарища добраго коня отъ нападенія хищныхъ звѣрей. Но увы! къ его вяшшему удивленію, на дальнее пространство не было видно ни одного жилья, а между тѣмъ погода разыгрывалась. Вѣтеръ страшно стоналъ по лѣсу, деревья качались, скрипѣли, трещали и наконецъ желтые листья цѣлыми облаками валились на землю и устилали дорогу... Но это еще не все; томный голосъ: «спаси меня!» и сейчасъ былъ имъ

слышенъ; онъ, кажется, былъ для него громче бури, слышнѣе грома, мучительнѣе пытки.

— Да что же это такое, наконецъ? вѣдь это тоска, это мука! думалъ про себя Громобой; понукая коня, чтобы онъ скорѣе бѣжалъ впередъ, такъ какъ близость ночи угрожала ему ночлегомъ въ лѣсу.

«Спаси меня! спаси меня!» было единственнымъ отвѣтомъ, между тѣмъ какъ милый образъ прекрасной дѣвушки такъ и рѣялъ предъ его глазами.

Наконецъ утомленная лошадь начала спотыкаться отъ усталости; пѣна клубила изъ ея рта, точно также, какъ паръ столбомъ вился отъ тѣла. Жилья было совсѣмъ не видать.

— Нѣтъ!... видно приходится ночевать въ лѣсу, сказалъ Громобой, соскочивъ съ коня и ведя его на луговину, раскинувшуюся по опушкѣ лѣса, близь дороги.

Разложивъ огня, онъ привязалъ коня и расположился близь горѣвшихъ сучьевъ на травѣ, которую онъ накосилъ мечемъ, положа голову на сѣдло вмѣсто изголовья.

Онъ имѣлъ намѣреніе заснуть, того требовало утомленіе тѣла послѣ битвы съ печенѣгами; но неотвязная фраза: «спаси меня» не давала ему покоя, а образъ милой

очаровательной особы мелькалъ предъ его глазами.

— Что же это такое, наконецъ? Неужели эта мысль будетъ постоянно меня преслѣдовать? Какъ я глупъ, что не воротился назадъ и опять не попросилъ у благочестиваго пустынника новаго предохранительнаго средства, вскричалъ онъ, вскочивъ съ своего мѣста.

— Какъ, что такое? сказалъ тутъ же представшій незнакомецъ чуднаго вида, предъ лицо Громобоя. Ты слишкомъ счастливъ тѣмъ, что лелѣешь эту мечту.

— Кто ты такой, добрый человѣкъ? который предсталъ предъ меня и угадываешь мои мысли?

— Кто я? Погоди, скажу послѣ. Выслушай меня: кого ты видишь постоянно и и кто тебѣ взываетъ, добрый богатырь, это предметъ твоей любви, твоя радость; умѣй только воспользоваться.

— Неужели эта чудная дѣвушка существуетъ на самомъ дѣлѣ?

— Мало того: она любитъ тебя... любитъ тебя заглазно и безгранично, продолжалъ незнакомецъ.

— Но гдѣ же она меня видѣла?

— Нигдѣ и никогда.

— Ты врешь, почтенный, скажи мнѣ

лучше, кто ты самъ и почему знаешь меня и мою тайну?

— Мало ли я что знаю... Ты вѣрь мнѣ.

— Пусть такъ, но кто ты самъ? спросилъ Громобой.

— Ну, что ты, храбрый Громобой, меня пытаешь? Тебѣ бы давно догадаться, кто я.

— Колдунъ?

— На то похоже; но это въ сторону. Такъ что же ты хочешь лишиться такой красавицы, которая была бы въ состояніи украшать собой любой княжій теремъ.

— Чего лишиться? да я ее и не вижу, только одна мечта преслѣдуетъ меня неотступно.

— Ты можешь овладѣть ею и призракъ пропадетъ.

— Какимъ образомъ?

— Спроси меня, я помогу тебѣ.

— Да гдѣ же мнѣ, богатырю Новгородскому возжаться съ бабами! Мое ли это дѣло? вотъ моя забава, и витязь тряхнулъ блестящимъ мечемъ въ воздухѣ и увязилъ его въ землю по рукоять.

— Ха, ха, ха!... Богатырю!... Хорошо сказано.. Да у курицы сердце есть, а у тебя подъ кольчугою бьется тоже не воробей. Повѣрь, храбрый витязь, только мертвый безъ чувства.

— Кто ищетъ воинской славы, тотъ далекъ отъ красныхъ дѣвушекъ.

— Какъ хочешь, витязь, я не люблю навязывать услугъ, а только скажу тебѣ одно, что если тебѣ буду нуженъ, то вотъ тебѣ эта травка; только поверти ею раза два предъ глазами, и я тогда явлюсь передъ тобою, гдѣ бы ты ни былъ... Прощай, храбрый витязь! ироническая улыбка скользнула на его губахъ и незнакомецъ пропалъ, отдавъ ему волшебную травку.

— Что за диво? Кто онъ такой? разбойникъ, колдунъ или мудрецъ? или наконецъ злой духъ?... Непонимаю... Такъ разсуждалъ Громобой, закрывшись охобнемъ. Опять завѣтныя слова заговорили «спаси меня!» и опять свѣтлый ликъ красавицы терзалъ его воображеніе.

— Ахъ! какъ хороша она! думалъ Громобой, какъ бы разбирая въ головѣ уже слишкомъ усвоенные въ памяти черты его знакомой незнакомки. Быть можетъ и правду сказалъ мнѣ этотъ странный обитатель лѣсовъ, что и у меня сердце не каменное... вѣдь и у меня въ жилахъ кипитъ горячая кровь. Не мѣшало бы попытать, какъ люди любятъ. Слава, война не уйдетъ отъ меня и послѣ. Наконецъ, въ пріятныхъ грезахъ о супружеской жизни богатырь скоро

заснулъ и сонное воображеніе дополнило то, чего недоставало на яву.

Та же красавица представилась ему во снѣ, манила его къ себѣ, умоляла и звала даже по имени. Дивная красота такъ привязывала взоры молодаго витязя, что рѣшительно не было возможности оторвать зрѣніе.

Наконецъ утреннее пѣніе птицъ и ржаніе добраго коня пробудило витязя. Онъ, вскочивъ на лошадь, поѣхалъ далѣе и вслѣдъ за нимъ опять понеслись докучливые обманы слуха и зрѣнія уже въ болѣе развитыхъ размѣрахъ.

Шумъ въ ушахъ отъ постояннаго напѣва «спаси меня!» измучилъ усталаго всадника; милый ликъ красавицы, постоянно мелькавшій предъ его глазами, чрезвычайно докучалъ ему и мучилъ его,

— Да что же это такое, будетъ ли конецъ этому? сказалъ онъ самъ себѣ. Я совершенно потеряю разсудокъ, если только это будетъ продолжаться далѣе. Неужели нѣтъ спасенія?... Наконецъ, что это за дѣвушка? Что за вліяніе, которому нѣтъ границъ и которая именно почему-то на меня дѣйствуетъ? Что я могу сдѣлать для нее? Какую пользу могу я ей оказать? А между

тѣмъ голосъ по прежнему раздавался: «спаси меня!»

— Не знаю, на что рѣшиться! подумалъ про себя Громобой, а кажется нѣтъ иначе исхода, какъ повернуть назадъ туда, гдѣ въ первый разъ я слышалъ ея прелестный голосъ и страданіе. Такъ и быть, я дознаюсь и буду спокойнѣе; меня не будетъ мучить совѣсть, если я найду случай и въ самомъ дѣлѣ спасти дѣвушку.

Какъ истинный витязь, Громобой былъ рѣшителенъ. Повернувъ коня, онъ помчался обратно и вотъ, наконецъ, опять возвратился къ гостепріимному крову богатаго старца.

Онъ былъ впущенъ и опять радушно принятъ хозяиномъ.

— Здравствуй, бояринъ, сказалъ Громобой кланяясь. Прости, что я пріѣхалъ къ тебѣ, меня плѣнило твое радушіе.

— Очень, очень радъ доброму гостю, сказалъ старикъ и надѣюсь, что ты не будешь обиженъ подъ моимъ кровомъ.

Громобой воспользовался радушіемъ хозяина и потомъ, избравъ болѣе удобное время, сказалъ:

— Я доволенъ, бояринъ, твоимъ радушіемъ, угощеньемъ и по твоей ласкѣ надѣюсь, ты не откажешь мнѣ въ утѣшеніи однимъ отвѣтомъ на мой вопросъ.

— Изволь, витязь, я надѣюсь, что твой вопросъ не будетъ нескроменъ, говори.

Бояринъ сѣлъ на приступокъ лежанки и пригласилъ витязя сѣсть съ нимъ рядомъ и сдѣлать вопросъ.

— Нѣсколько времени назадъ, въ первое мое посѣщеніе тебя, бояринъ, я слышалъ восхитительный голосъ чудной незнакомки, про которую ты мнѣ сказалъ, что это «помѣшанная». Не родня ли она тебѣ? или не дочь ли?

— Нѣтъ, это не дочь, а дальняя родня. А на что тебѣ? спросилъ бояринъ, устремивъ на витязя пытливый взоръ.

— Что же она, сѣнная дѣвушка?

— Нѣтъ, далеко не сѣнная, добрый витязь, вѣрнѣе сказать, не знаю кто она. Да и на что тебѣ, повторяю я?

— Эхъ, бояринъ! покорно прошу тебя сказать мнѣ, кто эта дѣвушка, потому одному уже имѣю это право, что она мнѣ препятствуетъ въ моемъ намѣреніи и я ищу случая пресѣчь это препятствіе.

— Да какъ же, витязь, она тебѣ мѣшаетъ? спросилъ старый бояринъ.

— Очень просто: она мнѣ воснѣ приснилась. Голосъ ея ежеминутно слышу и красивый ликъ ея, который я ежечасно вижу

предъ своими глазами, повсюду не даетъ мнѣ покоя.

Бояринъ улыбнулся и сказалъ:

— Это твое несчастіе, витязь.

— Какъ несчастіе? я на первыхъ порахъ вижу только одно препятствіе, но несчастія не встрѣчалъ.

— Можетъ быть, сказалъ бояринъ, но когда она тебя будетъ ежеминутно преслѣдовать; тогда она доведетъ до того, что будешь ты не радъ своей жизни

— Я просто не понимаю ничего.

— А вотъ когда я скажу тебѣ, такъ ты поймешь меня.

— Сдѣлай милость, бояринъ, не томи меня молчаніемъ и повѣдай мнѣ, что эта за чудная дѣвушка?

— Насколько я слышалъ, настолько и повѣдаю, а чего не могу сказать, въ томъ не осуди, прекрасный витязь.

— Сдѣлай милость, бояринъ, что ни скажешь мнѣ, все будетъ въ угоду.

— Такъ слушай, сказалъ бояринъ и погладивъ густую сѣдую бороду, началъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія очарованія.

— Что буду говорить, то не мои слова, витязь, а разсказъ моихъ стариковъ. Мнѣ и самому лѣтъ не мало, а то, о чемъ я съ тобою поведу слово гладкое и простую рѣчь, дѣло давно минувшее, такъ и слушай, сказалъ старикъ.

Громобой съ жаромъ устремилъ свое вниманіе и старикъ началъ:

— Лѣтъ триста, чуть ли не болѣе, прошло съ того времени, какъ былъ построенъ моимъ прадѣдомъ этотъ домъ. Прадѣдъ мой, или вѣрнѣе, пращуръ, былъ такъ богатъ, что могъ бы поспорить богатствомъ съ княземъ Кіевскимъ. Богатство его навлекало на сосѣдей вражду и зависть, но онъ ничего не боялся и жилъ себѣ спокойно, будучи могучъ и славенъ.

Онъ женился въ очень молодыхъ годахъ, прельстясь красивымъ личикомъ дочери одного богатаго сосѣда. Красивая, стройная, бѣлоликая и чернобровая красавица могла можетъ быть прельстить тысячи подобныхъ моему пращуру и очень не мудрено, что обладать такой красавицей было ему вершиной счастія. Но къ несчастію, мой добрый Громобой, она была невыносимо зла и свое-

вольна, къ тому же до того горда, что немогла выносить никакихъ противорѣчій. Скоро узналъ нравъ своей жены пращуръ, но было поздно и ему необходимо пришлось самому испытать тяжелый своенравный характеръ любимой супруги.

Напрасно мой пращуръ принималъ мѣры кротости къ убѣжденію,—на нее онѣ не дѣйствовали; угрозы и брань—ожесточали; дошло до того, что пращуръ сталъ къ ней холоднѣе съ каждымъ днемъ и наконецъ удалился однажды на цѣлыхъ четыре мѣсяца въ Кіевъ, чтобы на лавахъ позабыть тоску—кручину, которая снѣдала его.

Въ это время его супруга была беременна и еще болѣе прибавилось въ ней раздражительности, потому что она не терпѣла дѣтей, точно также, какъ не любила кошекъ собакъ и другихъ животныхъ.

Въ отсутствіе моего пращура боярыня родила дѣвочку прехорошенькую и преполненькую. Лишь только она услышала первый плачь младенца, какъ тотчасъ же приказала одной изъ преданныхъ ей служительницъ бросить ребенка въ рѣку или умертвить какимъ нибудь образомъ. Служанка должна была исполнить это приказаніе, подъ опасеніемъ позорной смертной казни.

Но преданная была служительница женщина и мать, имѣвшая дѣтей. Жаль было ей погубить крещеную душу, жаль посягнуть на жизнь неповиннаго младенца и она отдала маленькую красавицу въ семью одного добраго селянина, а сама замаравъ въ крови барашка рубашку младенца, принесла къ жестокой боярынѣ, какъ доказательство гнуснаго поступка и сказала:

— Хотѣла я, барыня, въ рѣку бросить, да мнѣ пастухъ помѣшалъ, такъ я его въ лѣсу убила.

— Ну, вотъ и ладно!... Смотри никому не говори, а какъ пріѣдетъ мужъ, такъ ты скажи, что дитя родилось мертвымъ и схоронено.

— Слушаю, боярыня.

Всѣмъ домашнимъ было строго заказано говорить правду, и вотъ пріѣхавшій бояринъ узналъ отъ жены своей о постигшемъ съ его первенцомъ несчастіи.

Поплакалъ бояринъ, потужилъ, но дѣлать было нечего; съ того свѣта нѣтъ возврата.

Прошелъ годъ если не слишкомъ.

Однажды прогуливаясь верхомъ по своимъ владѣніямъ, онъ заѣхалъ въ одну деревню и подъ окномъ попросилъ напиться бражки.

Чисто одѣтая крестьянка удовлетворила желанію боярина, въ то же время держа на рукахъ прекрасивенькое дитя.

— Ахъ, какой прекрасный ребенокъ, сказалъ бояринъ, много у тебя дѣтей?

— Четверо, бояринъ, только этотъ не мой.

— Какой же это? пріемышъ?

— Да, родной. Мы и сами не знаемъ откуда намъ доставила Любаша, твоей милости ключница и велѣла его беречь.

Бояринъ, поблагодаривъ крестьянку, возвратился домой, размышляя о томъ, зачѣмъ было Любашѣ отдавать своихъ дѣтей, когда въ силахъ сама ихъ воспитывать; при томъ было ясно, что младенецъ не ей принадлежитъ.

Смутное подозрѣніе породилось въ его головѣ и грусть давила сердце.

— Ужь не женнина ли эта дитя? подумалъ онъ; она не разъ мнѣ говоривала, что терпѣть не можетъ дѣтей. Мысли кишили въ его головѣ и въ такихъ мысляхъ онъ подскакалъ къ красному крыльцу нашего терема.

Не успѣлъ соскочить съ коня, онъ тотчасъ потребовалъ къ себѣ Любашу, та явилась.

— Скажи, Любаша, правду ли говорятъ, что дочь моя умерла?

— Правда, бояринъ.

— Чье же дитя ты принесла на воспитаніе къ крестьянину? Вѣрная служанка не умѣла врать и поблѣднѣвъ невнятно пробормотала:

— Свое, бояринъ.

— Нѣтъ. Я знаю, что дитя твоимъ быть не можетъ. Говори откровенно, или я заставлю тебя говорить правду, по своему.

— Сказала бы я, бояринъ, тебѣ, да велику клятву приняла на душу.

— Я снимаю на себя и мало того награжу тебя, если скажешь, какъ нужно.

— Это дитя твое, бояринъ... Мнѣ твоя супруга приказала погубить его, но я не посмѣла принять на себя такой тяжелый грѣхъ, а потому за невѣдомо его и отправила на житье въ крестьянствѣ.

— Ну, спасибо тебѣ, сказалъ бояринъ, теперь проси у меня что хочешь, все тебѣ дамъ.

— Только одного прошу, бояринъ, не говори, что я сказала тебѣ, никому до моей смерти.

— Ладно! будетъ по твоему, никому не скажу.

Бояринъ, мой прадѣдъ, или вѣрнѣе сказать, пращуръ, принялъ свои мѣры, начиная съ того, что дѣвочку отдалъ въ одну изъ

дальнихъ вотчинъ на попеченіе одной добродѣтельной женщинѣ, за щедрую плату, съ тѣмъ, чтобы женщина эта берегла ее какъ глазъ и не помыкала ей, какъ равной себѣ и никогда не подавала бы повода къ тому, что она чужая.

Дѣвочка воспитывалась какъ слѣдуетъ, и такъ тайно ото всѣхъ, что въ теченіи пятнадцати лѣтъ никто не могъ узнать, кто она, и до злой боярыни не доходило никакого слуха о ея существованіи. Самъ бояринъ, успокоенный тѣмъ, что у него есть дитя, законная наслѣдница его имѣнія, не скучалъ какъ прежде, а боярыня, зная что ея вѣрная служительница убила дочь, ласкала Любашу, какъ ласкалъ и вспомоществовалъ этой бѣдной женщинѣ самъ бояринъ.

Боярыня чрезвычайно гордилась своею красотою, хотя ей было около сорока лѣтъ и она уже увяла. Казалось бы такъ дѣло и кончилось, но вотъ наконецъ открылся случай, съ которымъ рушилось все благое намѣреніе боярина и довело къ дурному концу.

Однажды моя прабабушка пошла прогуливаться въ лѣсъ за грибами; она съ толпою прислужницъ ушла далеко, такъ что совершенно сбилась съ пути. Прислуга также, не измѣривъ разстоянія, спуталась. Между тѣмъ солнце скрылось и вотъ боярыня измѣнила

обратный путь въ сторону, почти противуположную тому, откуда шла она; прислужницы, слѣдя за нею, также спутались съ пути.

Послѣ того произошла общая суматоха: боярыня сердилась за то, что ею неруководили въ пути, прислужницы или холопки оправдывались тѣмъ, что слѣдя за боярыней они не имѣли права уклониться въ сторону или предупредить ее, такъ какъ лѣсъ былъ непроходимый и каждый шагъ впередъ былъ запечатлѣнъ изстари различнаго рода суевѣрными взглядами.

Долго шла досадная ссора, общая между всѣми. Лѣсъ гудѣлъ отъ бабьяго рева; наконецъ вѣтви ближнихъ кустовъ раздвинулись и сѣдовласый старецъ вышелъ на встрѣчу.

— Что тутъ? что за ссоры? скажите мнѣ, дѣти мои! Я имѣю право такъ называть васъ, всѣхъ безъ различія, по возрасту, такъ объясните же въ чемъ дѣло?

— Мы заблудились, дѣдушка! мы не знаемъ, какъ добраться домой, кричали всѣ.

— Я, боярыня!... а не знаю какъ воротиться домой, по милости моихъ служанокъ, сказала боярыня, держа коробъ, наполненный грибами, въ который, разумѣется, подкладывали холопки невзначай, стараясь внушить, что она собрала грибовъ очень много.

— А! если ты боярыня, такъ милости прошу ко мнѣ, въ мой убогій шалашъ, сказалъ старецъ.

— Мнѣ некогда!... мнѣ нужно домой.

— Такъ ступай.

— Ты укажи дорогу.

— Я не знаю дороги къ твоему дому.

— Куда же ты знаешь?

— Къ вѣчной жизни; къ небесамъ, таковъ былъ отвѣтъ старца.

—. Намъ нужна дорога домой, а я не знаю другой дороги, да и ненужно.

— Нѣтъ, тебѣ нужно знать дорогу къ небу... и я знаю, какъ трудна она тебѣ. Старикъ смолкъ. Цѣлая толпа, человѣкъ изъ пятидесяти, стояла ожидая указанія; монахъ или простой отшельникъ молчалъ; вѣтеръ или буря выла въ лѣсу; наступилъ вечеръ. Сборщицамъ грибовъ приходилось плохо, если не выдти къ ночи, то иначе ночевать въ лѣсу.

Боярыня пошла въ шалашъ къ древнему старцу и вслѣдъ за нею старецъ пригласилъ всѣхъ прочихъ ея спутницъ.

— Я выведу тебя изъ лѣсу, боярыня!... Но я тебѣ до прежде того скажу, пожалуйста, не чинись, не гордись красотою своею подъ старость, есть и по краше тебя.

— Слуги, выйдите изъ шалаша, приказала боярыня.

— Служительницы вышли за городъ и тутъ остановились молча.

— Ну, вотъ теперь говори, старче.

— Вотъ и скажу теперь; ты возносишься лѣпотою *), никого супротивъ себя, боярыня, краше не считаешь, а того не знаешь, что есть дѣвушка лучше и краше тебя.

— Кто такая? спросила боярыня, назойливо.

— Да, есть... отвѣчалъ старикъ вздохнувъ.

— Кто же, почтенный старецъ?

— Ну, нѣтъ! ты поклянись, боярыня, что ей вреда не причинишь, тогда я и скажу тебѣ.

— Клянусь!

— Клятвы своей не измѣнишь?

— Нѣтъ.

— Такъ помни. Клятва вообще мученье. Измѣнить ей—великій грѣхъ. Но ежели ты поклялась, такъ стало быть тому. Тебя есть краше.

— Кто?

— Дочь твоя.

— Какая дочь?

— Которую ты приказала убить.

— Развѣ она жива?

---

*) Лѣпота—красота.

— Вѣстимо. Божье милосердіе не посмѣется надъ несчастною, лишенною ласкъ родительскихъ.

Боярыня обратясь къ старцу, и предложивъ ему кошелекъ съ деньгами, сказала ласковымъ голосомъ:

— Благочестивый старецъ! ежели ты правду говоришь, такъ и не обрати во грѣхъ и во гнѣвъ вопросъ мой: она жива, здорова и счастлива?

— Да, боярыня, она жива, и здорова, а о счастіи ея пока нѣтъ выраженія, потому что счастье—это такое пустое слово, которое никуда не годится: одинъ счастливъ тѣмъ, что богатъ, а другой этимъ недоволенъ, всѣ живутъ по своему. Послѣ того скажи мнѣ, боярыня-сударыня, кто въ вашемъ домѣ счастливѣе всѣхъ, съ тысячами или безъ тысячей?

— Всякому свое счастье.

--- Да и чрезъ золото слезы катятся, сказалъ старикъ. Ты думаешь, ты счастлива? Нѣтъ.

--- А почему такъ?

--- Пятнадцать лѣтъ назадъ, ты была счастлива, потому что ты посягнула на жизнь дочери, а съ этого часа, ты станешь опять несчастлива, потому что будешь искать случая погубить дочь, чтобы не имѣть сопер-

ницы и дочери. Вотъ въ чемъ твое несчастіе. Твое счастіе въ несчастіи другихъ.

Боярыня вспыхнула съ досады.

--- Врешь ты, старикъ! Впрочемъ, если ты мнѣ хочешь доказать, что ты это не обижаешь меня, а говоришь правду, скажи гдѣ мнѣ найти мою дочь? —

Старикъ улыбнулся и сказалъ:

--- Я знаю твои мысли, боярыня, ты можешь ее найти, спроси у твоей служанки и мужа, они тебя увѣдомятъ. —

--- Спасибо, старичекъ. Боярыня хотѣла дать ему нѣсколько монетъ, но старецъ отвелъ ея руку съ подаяніемъ, сказавъ:

--- Нѣтъ! мнѣ не нужно подаянія изъ твоихъ рукъ, обагренныхъ кровью и злодѣйствомъ.

Боярыня вспыхнула, но удержалась отъ выраженія негодованія и спросила:

--- Скажи мнѣ, дерзкій старикъ! куда идти намъ отсюда, чтобы не заблудиться? —

Старикъ вышелъ и указалъ направленіе, по которому слѣдовало идти.

Скоро всѣ возвратились домой.

Все сказанное старикомъ сильно занимало боярыню. Ненависть кипѣла въ душѣ, какъ горячая вода въъ котлѣ. Ей страхъ, какъ хотѣлось видѣть дочь и погубить ее. Старецъ сказалъ правду.

Избравъ время, боярыня сказала мужу:

— Знаешь ли, что я узнала, дочь моя жива, но я не знаю, какъ могло случиться, что мнѣ сказали, будто дочь моя умерла, вѣдь я не видала ее. Мнѣ, какъ матери, хотѣлось бы обнять ее.

Бояринъ смолчалъ, онъ не могъ ничего ни возражать, ни увѣрять въ дѣйствительной справедливости и сомнительно покачалъ головою.

— Ахъ! какъ мнѣ было бы пріятно видѣть свою родную дочь. Да что же ты молчишь? сказала она мужу.

— Злодѣямъ всегда нужно много, ихъ не удовлетворишь ничѣмъ... Меня не было. Нужно спросить повитуху.

— Она давно умерла, отвѣчала боярыня.

— Да отъ кого ты узнала про то?

— Отъ колдуна въ лѣсу.

— Эти люди врутъ, имъ вѣрить нельзя. Кому я дѣлалъ зло, чтобы мнѣ причиняли такую горесть, не вѣрь имъ.

Боярыня притворилась разстроенною и показывала видъ, что ей смерть какъ хотѣлось видѣть свою дочь. Бояринъ, зная злое сердце своей супруги, не могъ не думать, что это все со стороны жены былъ обманъ; прошла недѣля, тоска боярыни продолжалась. Бояринъ въ самомъ дѣлѣ начиналъ ду-

мать, что его жена тоскуетъ, внутренно сознавая свой злой поступокъ и нѣжными заботами и любовью можетъ быть желаетъ оправдать себя передъ Богомъ; но тоска эта происходила отъ досады, которая ее снѣдала и вотъ бояринъ однажды подъ предлогомъ охоты отправился къ своей дочери и привезя ее назначилъ въ число сѣнныхъ дѣвушекъ, сказавъ женѣ:

--- Вотъ тебѣ для увеличенія числа слугъ я нашелъ какую хорошенькую. ---

Боярыня потребовала къ себѣ новую слугу и взглянувъ на нее коварно улыбнулась:

— Славная дѣвушка! сказала она но сердце ея сказало уже, что это ея дочь.

Нужно замѣтить, что ея дочери не было извѣстно объ ея происхожденіи и красавица воспитывалась какъ простая крестьянка; хотя ея воспитатели, получая отъ боярина помощь и подарки, нѣжили и берегли ее.

Лишь только она введена была въ теремъ боярыни, Любаша, теперь уже старушка, тотчасъ узнала въ ней боярскую дочь и сердце ея сжалось. Улучивъ время, она непреминула замѣтить боярину:

— Ахъ, бояринъ! не дѣло затѣялъ ты, что привезъ сюда Наташу; сгубитъ она дѣвушку.

— Но, вѣдь она не знаетъ, кто Наташа.

— Пусть хотя и не знаетъ; но развѣ она можетъ терпѣть, чтобы въ этомъ домѣ была кто-нибудь лучше ея. Повѣрь, что она узнаетъ, найдетъ колдуна и ей все скажутъ, тогда она сгубитъ ее.

— Но она такъ тоскуетъ, когда узнала, что дочь ея жива.

— Она тоскуетъ не съ горя, но съ досады, повѣрь мнѣ, твердила Любаша.

— Ну, что будетъ, то будетъ; я не вѣрю колдунамъ, да пустынникамъ, говорилъ мой пращуръ.

— А вѣдь вотъ узнала же чрезъ нихъ, что твоя дочь жива.

Наташа осталась жить, какъ сѣнная дѣвушка; скоро освоившись съ своимъ положеніемъ, она начала рѣзвиться и увлекала всѣхъ своимъ очаровательнымъ пѣніемъ. Мать ея рвалась со злости и искала случая погубить ее.

Подъ предлогомъ прогулки боярыня отправилась въ лѣсъ одна, въ сопровожденіи одной глухой служанки, и пошла въ завѣтный лѣсъ къ пустыннику.

— Ну, что тебѣ нужно, дочь моя? спросилъ пустынникъ.

— Я пришла спросить тебя: гдѣ моя дочь?

Старикъ усмѣхнулся и отвѣчалъ.

— Она въ одномъ теремѣ вмѣстѣ съ тобою: ты каждый день ее видишь.

— Такъ это она? это вѣрно.

— Да! твоя дочь, Наташа.

— Сердце не обмануло меня, сказала боярыня.

— Да! твоему ли сердцу ошибаться, сказалъ старецъ.

— Знаешь ли, что я хочу просить тебя, мой почтенный старецъ! Не можешь ли ты помочь мнѣ?

— Въ чемъ?

— Я терпѣть не могу моей дочери и хочу погубить ее.

--- Ты хочешь убить ее?

--- Нѣтъ, я хочу быть не убійцей, но хочу сдѣлать ее несчастною.

--- Я не принадлежу къ числу такихъ людей, которые никому не дѣлаютъ зла. Ищи подобныхъ въ другомъ краю; прощай. Старецъ углубился въ чтеніе своихъ рукописей. Боярыня съ досадою вышла и отправилась домой.

Долго искала она средствъ и случаевъ, какъ однажды чрезъ слугъ своихъ узнала, что въ одномъ лѣсу жила старая вѣдьма, которая можетъ сдѣлать, что угодно, и что въ народѣ ходятъ про нее самые ужасные

слухи. Боярыня выжидала случая, когда боярина ея мужа не было дома.

Однажды боярина не было дома; боярыня отправилась къ этой вѣдьмѣ въ сопровожденіи одной изъ преданныхъ женщинъ, знавшей ея пріютъ.

Скрипнула старая дверь на ржавыхъ петляхъ и боярыня вошла въ низенькую, покривившуюся избушку, оставивъ служительницу за дверями.

— А! давнымъ-давно ждала я тебя, моя красавица! сказала вѣдьма.

— Я къ тебѣ, бабушка, съ просьбой.

— Знаю, знаю.

— Развѣ тебѣ кто сказывалъ?

— Чего сказывать? Я все знаю! тебѣ хочется извести свою дочь!

— Да, мнѣ хочется извести, но только не уморить.

— Хорошо, будетъ по твоему.

— Можно ли сейчасъ это сдѣлать?

— Изволь, все можно. Я тебѣ сдѣлаю такъ что она будетъ жива и здорова, только ни куда не способна и ты удивишься моему искусству.

— А на сколько лѣтъ?

— На сколько хочешь, я могу сдѣлать на десять, на двадцать, на сто, пожалуй хоть на триста лѣтъ; но болѣе не могу.

— Вотъ это очень будетъ любопытно, на триста. А потомъ что же, кто ее выручитъ?

— Сама освободится и будетъ такая же, какъ и сейчасъ. говорила старуха.

— Нѣтъ! пусть такъ будетъ, чтобы тотъ, кто ее освободитъ, продалъ бы душу свою лукавому.

— А! понимаю... смѣялась старуха, ты хочешь душа за душу; ладная выдумка!

Старуха развела на шесткѣ огонь, поставила горшокъ съ водой и, положивъ въ него разныхъ снадобій, стала варить, безпрестанно въ немъ помѣшивая.

Изба была курная и потому скоро по избѣ распространился чадъ съ зловоніемъ, отъ котораго у боярыни закружилась голова и она упала безъ чувствъ на лавку.

Колдуньѣ было не до нее; нашептывая на на свой составъ и помѣшивая, она ожидала, когда онъ закипитъ. Послѣ окончанія кинячснія, вѣдьма привела въ чувство боярыню и сказала:

— Ну вотъ тебѣ, матушка, боярыня, и снадобьице.

— Что же мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Какъ только возвратишься домой, то кликни ее и спрысни этой водой, сперва на каменную стѣну, а потомъ на нее, изъ руки просто, а въ ротъ небери, а потомъ, что бу-

деть не скажу, сама увидишь, и при этомъ подала ей зелья въ горшочкѣ, увязанномъ тряпкою.

Коварная боярыня не слышала подъ собою ногъ и, торопясь домой, бранила дорогу, что она слишкомъ была длинна. Наконецъ пришла домой.

Лишь только вошла въ свой покой, какъ потребовала къ себѣ Наташу, выславъ всѣхъ прочихъ слугъ.

— Подойди сюда поближе, сказала боярыня, плеснувъ водою на стѣну. Дѣвушка подошла и горсть жидкости попала ей прямо въ лицо.

— Ай!... вскрикнула Наташа и боярыня увидѣла, какъ въ одно мгновеніе красавица очутилась закладенною въ каменную стѣну, только одно ея прекрасное личико виднѣлось и по сей часъ виднѣется изъ стѣны.

— Ха, ха, ха!... засмѣялась боярыня. Ай-да старуха! Я не ожидала этого.

Лишь только наступитъ обѣдъ или ужинъ, она всегда поетъ, въ другое время она плачетъ, говорилъ разскащикъ.

— Ну, а бояринъ что? спросилъ Громобой.

— Возвратился бояринъ; какъ взглянулъ на эту продѣлку, такъ тутъ же упалъ безъ чувствъ. Послѣ опомнился, но было уже поздно. Никакая сила не могла разрушить стѣну; ломы, сѣ-

кирпы ломались и ни одного рубца не дѣлалось на стѣнѣ отъ ударовъ. Молоты разбирались въ куски. Бояринъ началъ распрашивать слугъ, спрашивалъ и Наташу, но та только плакала и не отвѣчала ничего. Боярыня также не говорила ни слова, и когда мужъ спросилъ жену о причинѣ такого явленія, она отвѣчала смѣхомъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ разузнаваній, ему пришлось развѣдать, что это новое злодѣйство его жены; что чары, которыми она исполнила свое мщеніе, она получила отъ вѣдьмы.

— Чего еще мнѣ ждать? остается только одно, что и мнѣ будетъ таже участь, думалъ онъ.

Въ справедливомъ гнѣвѣ бояринъ явился къ вѣдьмѣ и приказалъ сжечь ея избу. Изба сгорѣла; ужасный визгъ, стонъ и множество другихъ странныхъ явленій сопровождали пожаръ; но вѣдьма не сгорѣла; она съ хохотомъ вылетѣла въ окно на помелѣ, и съ той поры не было ничего объ ней слышно. Одни говорятъ, что она полетѣла на Кіевъ, другіе—что на Новгородъ.

Наконецъ кто-то надоумилъ боярина обратиться къ благочестивому пустыннику, живущему въ лѣсу, чтобы онъ напутствовалъ его благими совѣтами.

— Чего желаешь, сынъ мой? спросилъ старецъ.

— Твоихъ совѣтовъ, добрый старецъ.

— Да, жизнь твоя не радостна.

— Такъ-то не радостна, какъ никогда.

— Знаю, знаю...

— Что мнѣ сдѣлать съ женою?

— Съ женой, этимъ извергомъ? Если правду сказать, ты убьешь ее.

— Не можетъ быть!... Я не имѣлъ никогда такого намѣренія.

— Увидишь. Это я вижу по своимъ хартіямъ.

— Но какже я буду убійцей своей жены?

— Не мы управляемъ судьбою, а судьба нами.

Бояринъ, поблагодаривъ старца, вышелъ изъ лѣсу, крѣпко раздумывая о сказанномъ. Наконецъ достигъ своего терема.

— Можетъ быть все это и правда, что онъ говоритъ, и вошелъ въ покой своей жены. Взглянувъ на нее, его потрясло.

— Послушай, Людмилла: когда ты сознаешься въ своихъ поступкахъ и исправишься? время много, и можетъ быть близокъ смертный часъ?

— Въ чемъ мнѣ сознаться передъ тобою? ты поглупѣлъ, кажется.

— Нисколько; я все знаю. Бояринъ позвалъ Любашу. Вотъ твоя вѣрная служанка; ей ты поручила убить Наташу; но Богъ ее сохра-

нилъ отъ убійства и она отдала дочь мою на воспитаніе. Когда дочь достигла пятнадцати лѣтъ, то думая, что ты раскаиваешься въ своемъ поступкѣ, я пріютилъ ее въ нашемъ домѣ, расчитывая на то, что современемъ открою тебѣ тайну, но увы!... ты сама узнала и чарами злой вѣдьмы совершилось несчастіе. Ты рѣшилась погубить ее и погубить свою душу; не отмолить тебѣ грѣха! говорилъ бояринъ.

— А! ты смѣешь мнѣ угрожать адомъ! А не хочешь, я тебя подвергну той же участи? вскричала злобная женщина.

— О, это ужъ слишкомъ!... ты рождена для злодѣйства; но, будетъ... разгнѣванный бояринъ выхватилъ мечъ и разсѣкъ жену почти на двое. Умерла несчастная, но этимъ очарованіе не потеряло своей силы и бѣдная Наташа и по сей часъ томится, а уже этому около трехъ сотъ лѣтъ. Вотъ повѣсть этой несчастной, о которой Громобой, ты хотѣлъ узнать... Мнѣ пришлось наслѣдовать этотъ теремъ, и вотъ слышать про эту легенду. Но не старайся даже думать объ ея освобожденіи, такъ какъ для этого нужно продать душу демону.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Красавица въ стѣнѣ. Продажа души. Освобожденіе.

— А что, бояринъ, нельзя ли видѣть ее?

— Напрасно... Она такъ хороша, что посмотрѣвши на нее разъ, ты не забудешь ея образъ на вѣкъ.

— Я и такъ ее знаю, она мнѣ видится на яву и во снѣ не однажды.

— Какъ хочешь, мой дорогой гость, но не однажды бывало, что витязи, ее увидавъ однажды, изсыхали съ тоски.

Бояринъ, взявъ витязя за руку, повелъ въ одну изъ комнатъ, обитую всю чернымъ штофомъ.

Въ одной изъ стѣнъ комнаты было небольшое углубленіе, изъ котораго выглядывало прелестное личико красавицы. Время не состарило ее ни на волосъ, только чрезвычайная блѣдность заступила вмѣсто румянца.

— Вотъ она! сказалъ бояринъ.

— Громобой взглянулъ и пополовѣлъ. Ту, которую онъ видѣлъ во снѣ, теперь видитъ на яву, но во сто разъ прекраснѣе.

— А! избавитель мой, Громобой, какъ я счастлива! сказала заключенная. Ты спасешь меня! ты спасешь меня... и глаза заблистали слезами радости.

Голосъ, тотъ самый голосъ, который онъ безпрестанно слышалъ, который преслѣдовалъ его ежеминутно, онъ услышалъ и сейчасъ, но гораздо пріятнѣе того...

— Первый разъ слышу эти слова, Громобой, сказалъ бояринъ. Видно въ самомъ дѣлѣ, тебѣ придется быть избавителемъ. Ахъ, несчастный!...

— Да! во что бы то ни стало, но я клянусь своимъ мечемъ, что я освобожу ее, или погибну.

— Погибели тебѣ не миновать, и такъ... сказалъ бояринъ, спасая ее, ты самъ повергаешь себя погибели.

— Дѣлать нечего, бояринъ; сейчасъ же ѣду искать случая, ктобы мнѣ могъ содѣйствовать.

— Это найдешь повсюду, говорилъ бояринъ, провожая его до крыльца, къ которому ему былъ подведенъ его богатырскій конь.

Витязь, вскочивъ на коня, помчался по первой попавшейся дороогѣ, съ твердымъ намѣреніемъ продать свою душу, на условіяхъ освобожденія красавицы—Натаиш.

Скоро ли, долго ли, скакалъ онъ впередъ, неизвѣстно; но только на одномъ изъ перекрестковъ онъ вспомнилъ о цвѣткѣ, и вынувъ повернулъ его предъ собою нѣсколько разъ и тутъ же нагналъ тихо идущаго старичка.

— Эй, витязь! потише, эдакъ, пожалуй, или себѣ, или коню шею сломишь, да и меня задавишь.

— Такъ сторонись.

— Нѣтъ, ты меня лучше присади, стараго человѣка.

— Если бы намъ было по пути, такъ пожалуй.

— Можетъ и по пути, говорилъ старикъ.

— Да ты знаешь ли куда я ѣду? спросилъ Громобой.

— Почему я знаю.

— Къ сатанѣ.

— Такъ и есть! однако тебѣ не зачѣмъ такъ далеко ѣхать; я знаю ближе къ нему дорогу, сворачивай въ этотъ лѣсъ.

Витязь повиновался и поѣхалъ въ густую чащу лѣса, съ трудомъ продираясь между сучьевъ. Наконецъ, сдѣлавъ около двухъ сотъ шаговъ, они остановились у дверей хижины.

— Вотъ мы и здѣсь. Привяжи свою лошадь и войди; здѣсь получишь все, что тебѣ нужно.

Громобой не заставилъ себя повторять приглашеніе пустынника и тотчасъ вошелъ въ избушку.

Въ избушкѣ никого не было; столъ двѣ скамьи, разрушенная печь; вотъ все, что тамъ находилось.

— Садись, мой гость, не чинись, у меня бѣдняка ничего лишняго нѣтъ, чѣмъ бы можно было похвастаться. Дѣйствительно, у пустынника было пусто и только огромная паутина свидѣтельствовала о томъ, что пустынникъ былъ не совсѣмъ одинокъ.

— Вотъ теперь, храбрый витязь, повѣдай мнѣ, что тебѣ нужно, или, по крайней мѣрѣ, на что тебѣ нуженъ дьяволъ?

— А вотъ зачѣмъ, началъ богатырь: судьба избрала меня, или злая судьбина уже моя такая, что мнѣ необходимо нужно съ моею погибелью избавить боярскую дочь отъ очарованія, въ которомъ она уже находится триста лѣтъ.

— Да, тебѣ необходимо ее избавить и сегодня срокъ; я знаю эту несчастную.

— Какой срокъ?

— Сегодня, день-въ-день—триста лѣтъ. Поспѣшай!...

— Но какъ же я увижу дьявола?

— Ты его сейчасъ видишь предъ собою.

— Какъ? неужели ты самъ дьяв....

— Да.

Громобой задрожалъ всѣмъ тѣломъ и схватился за рукоять меча.

— Ха, ха, ха! Не хочешь ли изрубить меня въ куски, Напрасный трудъ. Мы съ тобою ссориться не будемъ.

При этомъ дьяволъ вынулъ изъ-за пазухи кожу удавленника и перо.

— Пиши на этомъ лоскутѣ, что ты мнѣ чрезъ двадцать лѣтъ отдаешь свою душу, за то, чтобы я освободилъ отъ очарованія боярскую дочь.

— Ну, хорошо. Но чѣмъ же буду писать?

— Кровью. У тебя есть мечъ, разрѣжь руку и пиши. Тутъ ее не много нужно.

Вынувъ мечъ, рыцарь разрѣзалъ кожу, и началъ писать подъ диктовку дьявола.

Когда онъ кончилъ, дьяволъ усмѣхнулся спряталъ росписку и сказалъ:

— Время дорого, Громобой! Сей часъ же садись на лошадь и скачи; я помогу тебѣ и ты сейчасъ же будешь на мѣстѣ. Громобой вздохнулъ и выйдя изъ избушки отвязалъ лошадь и вскочилъ въ седло.

Лишь только лошадь сдѣлала шагъ, какъ избушка съ страшнымъ громомъ провалилась при адскомъ хохатѣ исчезнувшаго дьявола и густой лѣсъ пропалъ, вмѣсто котораго образовалась большая торная дорога. Непрошло пяти минутъ, какъ храбрый витязь былъ поволѣ дьявола у крыльца боярина.

— Ну, что Громобой! спросилъ вышедшій на встрѣчу старвій бояринъ.

— Что будетъ, то и будетъ.....А ужъ достал цѣнной крови и души освобожденіе На-

таши и Громобой поспѣшилъ въ завѣтную комнату.

— Именемъ моимъ пропади всякое очарованіе вскричалъ Громобой.

Неуспѣлъ окончить сказаннаго, какъ невидимая рука разрушила часть стѣны и дѣвушка выпрыгнула изъ заточенія.

Избавитель мой! вскричала красавица бросясь къ его ногамъ. Богатырь поднялъ красавицу и поцѣловалъ ее. Слезы радости лилясь у обоихъ, даже старый бояринъ уронилъ слезу на свой сѣдой ширскій усъ.

Въ эту восхитительную минуту казалось была за быта страшная цѣна освобожденія красавицы и бояринъ пригласилъ счастливцевъ въ общую комнату.

— Садитесь друзья мои, сказалъ бояринъ. Молодые люди сѣли.

Послѣ минутнаго безмолвія старый бояринъ сказалъ:

Скажи на милость, Наташа, что ты чувствовала въ эти трчста лѣтъ, проведя ихъ въ этой проклятой стѣнѣ.

— Охъ! бояринъ! много я перечувствовала, я была почти живая лѣтопись всего произшедшаго въ теремѣ въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ. Оба ея собѣседника приступили къ Наташѣ съ просьбою, и она начала:

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Жизнь трехсотлѣтней невольницы.

....Меня позвала моя мать въ горницу. Я явилась; сердце мое ныло, ноги дрожали.... Я чего то ждала ужаснаго, но это бѣдное сердце не могло повѣдать моему слуху.

Когда роковое зелье попало мнѣ въ лицо я вскрикнула, мнѣ показалось оно горячимъ кипяткомъ и жаръ въ одно мгновенiе проникъ всю мою внутренность. Я очутилась въ стѣнѣ Но недумайте, что я тамъ была, какъ въ тискахъ, нисколько.....Я жила тамъ совершенно спокойно; вамъ казалось, что я была пригнѣтена и немогла двигаться, но это казалось только вашимъ глазамъ. Напротивъ я жила свободно; у меня было очень просторная свѣтлица и я даже пожеланiю занималась работами и тѣми самыми, какiя я знала.

Въ мою свѣтлицу каждый день приходилъ старикъ и приносилъ мнѣ пищу, и всегда такую вкусную, что я немогла отъ нее отказываться. Этотъ старичекъ доставлялъ мнѣ работы, когда я того желала. Но только никогда не говорилъ со мною; о чемъ я его неспрашивала. Впрочемъ мнѣ было не до спросовъ. Я знала время когда мнѣ должно было освободиться изъ этого заключенiя и знала съ первой минуты заключенiя имя и образъ моего

добраго избавителя, сказала разскащица. Потомъ продолжала: я даже знала какою цѣною произойдетъ мое избавленіе, но увы, мнѣ свобода была дороже всего. Несмотря на то, что я пользовалась всеми удобствами, сердце мое постоянно ныло и билось такъ что каждый день было мнѣ мукой.

Мнѣ было приказано два раза въ день пѣть для того, чтобы услаждать обѣдъ и ужинъ владѣльцевъ бояръ хотя это было чрезъ силу. Горесть моя была велика, но я ежеминутно утѣшалась, что буду избавлена. Я неумѣла думать, но чувствавала до такой степени, что знала, когда кто родится, когда кто умретъ и мнѣ извѣстно были всѣ вообще будущія обстоятельства нашего дома. Но я не могла говорить съ людьми кромѣ тебя, Громобой. Лишь только ты мой милый родился я уже молилась о тебѣ, потому, что я имѣла на это право, молиться безмолвно, такъ какъ на мнѣ былъ оставленъ крестъ святый.

— Но скажи мнѣ пожалуйста, Наташа, какимъ образомъ ты мнѣ представлялась постоянно и слышался твой плѣнительный голосъ.

— Это по сочувствію нашихъ душъ.

— Когда пришелъ сего дня послѣдній день комнѣ явился мой старикъ и сказалъ.

— Тебя сего дня спасутъ Наталья. Нашелся твой избавитель, оковы твоей злой матери

разрушились. Только я могла отъ старика слышать въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ.

— Но отчего же стѣна не могла при всѣхъ усиліяхъ топоровъ, ломовъ и другихъ орудій разрушиться спросилъ бояринъ.

— Отъ того. что ее охраняла невидимая стража. При томъ еще нужно сказать, что каждый ударъ въ стѣну былъ мнѣ очень боленъ, какъ будто бы наносился мнѣ самой.

— Какимъ же образомъ мнѣ могъ пустынникъ сдѣлать такъ, что посредствамъ какихъ то ноговоровъ я избавился нося на поясѣ мешечикъ отъ твоего преслѣдованія. Ты это знаешь или нѣтъ, спросилъ витязь.

— Этотъ пустынникъ врагъ моего старика, который подавалъ мнѣ пищу; Этотъ пустынникъ посредсгвомъ своихъ заклинаній усьшилъ меня и я не могла думать о тебѣ; чѣмъ онъ продолжилъ бы мое заключеніе: Но когда старикъ увидалъ, что я сп.ю не вовремя. то пришелъ въ ярость и вотъ почему на тебя, напали Печенѣги, которыхъ ты уложилъ имъ нуженъ былъ не ты а твой поясъ накоторомъ былъ заклинательный узелокъ.

— И ты все видѣла и слышала спросилъ? бояринъ?

— Гдѣ?

— Что произходило въ домѣ?

— Все; я даже могла узнавать мысли но немогла подовать ни голосомъ ни взглядомъ ни какого совѣта, ни какой предосторожности.

— А теперь?

— Теперь я всего этаго лишилась; но въ замѣнѣ того мнѣ теперь возвращено удовольствіе жизни, о которой я триста лѣтъ страдала и которой такъ ждала.

— Дивная вещь сказалъ Громобой.

— Очень странно, сказалъ съ своей стороны бояринъ.

На утро другаго дня бояринъ пригласилъ священника и началъ просить его о томъ, чтобы немедленно совершить вѣнчаніе. Священникъ согласился

Скоро былъ назначенъ день бракосочетанія, котораго дождался витязь съ нетерпеніемъ.

Вотъ уже совершенъ бракъ, бояринъ принялъ на себя трудъ хлопотать обовсемъ и наконецъ молодые достигли того чего желали. Въ минуты счастья онъ совершенно позабылъ о томъ какой ужасною цѣною онъ пріобрелъ себѣ предметъ любви.

Прошла недѣля какъ одинъ день, когда наконецъ Витязь началъ собираться въ путь но уже не въ Кіевское княженіе, а обратно въ Новгородъ. Прощай боевая жизнь! думалъ онъ и въ колымагѣ запряженной цугомъ катился съ своей молодой женой Громобой на родину

Экипажъ былъ подаренъ съ лошадьми и збруей старымъ бояриномъ, который просилъ не забывать старика и такъ исполнилось предсказаніе гостепріимной старухи, которая сказала, что, думаешь въ Кіевъ, а попадешь въ Новгородъ!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сокрушеніе сердца. Путешествіе Громобоя, Утѣшеніе.

Хорошо зажилъ подъ роднымъ кровомъ Громобой; Наталья удивляла и очаровывала своею красотою весь Великій Новгородъ.

Во всѣхъ домахъ только и говорили: о храбромъ Громобоѣ, котораго сила и богатырская отвага страшила робкихъ, удивляла храбрыхъ и объ его молодой женѣ, которая прельщала всѣхъ и каждаго.

Хотя мысль о срокѣ, въ который онъ долженъ былъ отдать душу дьяволу, рѣдко посѣщала его но онъ былъ очень набоженъ и непропускалъ ни одной церковной службы.

Прошелъ годъ и унего родился сынъ, прекрасный полный ребенокъ съ голубыми глазами и румяный. Его назвали Всеславомъ. Мальчикъ росъ и семейное его счастіе увеличилось этимъ залогомъ любви и нѣжности.

Достигнувъ пяти-лѣтняго возраста Всеславъ по примѣру отца точно также имѣлъ необы-

кновенную силу и ловкость и удивлялъ знакомыхъ точно также какъ веселилъ отца.

— Богатырь будетъ, думалъ онъ и часто даже бесѣдовалъ о томъ съ женою.

— Да! весь въ отца, говорила мать.

— Будетъ богатырь, но меня уже небудетъ вздыхаль отецъ, проливая слезы; но Наташа, цѣловала его и говорила.

— Нѣтъ той власти въ мірѣ, которая бы превышала Божію Молисть ты, я молюсь также, неужели Господь не поставить въ заслугу твое доброе дѣло, которое ты совершилъ для меня.

— Божіе милосердіе велико, но я слишкомъ слабъ и слишкомъ грѣшенъ, можетъ быть Господь о твернулъ отъ меня свое лицо.

Можно ли такъ думать. Если справедливость, чтобы творецъ забылъ тебя, если онъ печется и отваряхъ земныхъ.

Но какъ не утѣшала его жена, а Громобой часто предавался задумчивости и нерѣдко слезы орошали его впалыя щеки.

— Положимъ, что бѣда была еще далека, отъ него, но она была слишкомъ грозна, неумолима и вдали хотя, но грозила адомъ и вѣчнымъ проклятіемъ. Что страшнѣе отреченія отъ Бога? отъ вѣчнаго добра и блага.

Чтобы умилостивить творца, онъ дѣлалъ всѣмъ добро, не отказывалъ ни одному бѣд-

няку, вносилъ богатые вклады въ церкви и монастыри такъ что имя его гремѣло далеко въ весяхъ Новгородскихъ; но онъ не чаялъ себѣ спасенія и горько улыбался когда его благословляли въ случаяхъ и кланялись въ поясъ, какъ почетному лицу города.

Вотъ Всеславу наступилъ тринадцатый годъ, мальчикъ выросъ и выглядѣлъ совершеннымъ красавцемъ. Шесть лѣтъ осталось, думалъ онъ только шесть лѣтъ и я въ дорогу, гдѣ будетъ мнѣ удѣломъ плачь и скрежетъ зубовъ. Недолго недолго и все что мило на землѣ для меня погибнетъ на всегда, и я промѣняю это земное счастье на адскую муку. Господи! какъ мнѣ горька, сурова, безотрадна моя судьбина, которая меня такъ безжалостно преслѣдуетъ. Какою дорогою цѣнною купилъ я двадцать лѣтъ семейнаго счастія; но и этотъ срокъ уже гаснетъ и помрачается страхомъ смерти и жестокой загробной жизни. Ахъ какъ страшно! какъ безотрадно!

Его избрали въ совѣтники. Мудро давалъ Громобой совѣтъ Новгороду. Умные рѣчи и совѣты его принимались всѣмъ единодушно. Но мудрый Витязь сохнулъ и тридцати шести лѣтъ уже посѣдѣлъ исхудалъ и улыбка на всегда оставила его, нѣкогда прекрасное лицо.

Жена страдала за него; ей было жаль мужа, и она трепетала за его будущность, при-

поминая всѣ ужасы какія ему должны встрѣтится при смерти и муки послѣ смерти.

Въ одинъ прекрасный день Наталья сидѣла съ Громобоемъ и утѣшала его, она сама страдала не менѣе, потому что безнадежность снѣдала обоихъ и скорбь одного была скорбью другаго.

— Любезный мой Громобой, тыбы посовѣтовался съ кѣмъ нибудь: быть можетъ какой нибудь мудрецъ дастъ тебѣ совѣтъ къ устраненію этого неизбѣжнаго зла.

— Но съ кѣмъ же я могу дѣлить свою скорбь соединенную съ своимъ безпримѣрнымъ безчестіемъ; я извѣстный своимъ богатствомъ, и храбростью витязь Новгородскій могу ли кому нибудь повѣдать, что душа моя, какъ душа проклятаго продана дьяволу. Народъ искорѣнитъ меня и наконецъ заклѣймитъ безчестіемъ и пожалуй разгромитъ нашъ домъ и раззоритъ наше богатство, отвѣчалъ Громобой.

— На чтоже намъ богатство..? дастъ ли оно счастье нашему семейству? Вѣдь оно отравлено несчастіемъ великимъ и неисправимымъ.

— Правда жена, но покрайней мѣрѣ счастьемъ и богатствомъ будетъ пользоваться нашъ сынъ и его дѣти.

— А если ты непосовѣтуешься ни съ кѣмъ, то ты неминуемо погибнешъ и мало того при-

несешь съ своею смертію проклятіе семейству.

— Я вѣрю жена, что ты права, и я воспользуюсь твоимъ совѣтомъ; но для этой цѣли я долженъ отправиться за предѣлы Новгорода туда, гдѣ меня незнаютъ.

— Можно и такъ сдѣлать: малоли есть пустынниковъ и затворниковъ, которые подаютъ мудрые совѣты и могутъ предвидѣть будущее пособить и утѣшить въ часы недуговъ.

— Благодарные слезы орасили исхудалое лицо Громобоя.

— Правда; милая подруга жизни, нѣтъ въ жизни горести, которая для облегченія ея не могла бы быть скрыта. Утѣшеніе другихъ скорѣе всего облегчаетъ страдальца. Благодарю тебя.

Громобой немедленно приказалъ на другой день приготовить боеваго коня, доспѣхи, чтобы утромъ рано пуститься въ дальній неизвѣстный путь, можетъ быть и недолго.

Простясь съ родными, Громобой помчался впередъ, и скоро былъ внѣ предѣловъ области Новгородской.

Времени прошло довольно. Богатырь Громобой ѣхалъ, постоянно распрашивая прохожихъ, проѣзжихъ и всѣхъ, у которыхъ былъ на ночлегѣ.

Наконецъ, проѣхавъ нѣсколько сотъ верстъ, онъ встрѣтилъ на пути однаго смѣрда (*) и спросилъ его!

— Послушай любезный незнаешъ ли ты гдѣ нибудь здѣсь въ окрестности мудреца или пустынника, который можетъ подавать совѣты и предсказывать будущее?

— Есть храбрый витязь! и мужичекъ указалъ дорогу, куда и помчался витязь.

Нужно было слишкомъ долго ѣхать впередъ лѣсомъ, чтобы достигнуть скромнаго убѣжища. Вѣтви хлестали въ лицо витязя, ручейки и топи пересѣкали ему дорогу. Волки змѣи и другія животныя пугали его благороднаго коня, но всѣ эти препятствія были нипочемъ всаднику озабоченному одною мыслію, которая проникла все существо его мозга.

Нѣсколько часовъ ѣзды наконецъ вывела на прекраспую поляну. освященную лучами солнца, вѣковыя дубы, пахучіе тополи и липы, благоуханные цвѣты украшали это мѣсто.

Къ живописности этой поляны много содѣйствовалъ ключь, бившій воду изъ камня и журчащій весьма мелодически, близь этого прекраснаго источника стоялъ шалашъ; сплѣтенный изъ древесныхъ вѣтвѣй и заросшій со всѣхъ сторонъ однимъ виноградникомъ и по-

(*) Смердъ простолюдинъ.

великою, ему какъ во снѣ вспоминалось, что то знакомое.

— Конецъ моимъ препятствіямъ! подумалъ Громобой и со скочивъ съ своего богатырскаго коня, пошолъ къ шалашу.

Не успѣвъ еще сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы войти въ шалашъ, онъ былъ встрѣченъ старцемъ въ темной одеждѣ и украшенный сѣдинами.

— Здравствуй храбрый витязь Громобой, опять завело тебя въ мою заповѣдную поляну?

Громобой отвѣчалъ:

— Горе занесло почтенный старецъ! пріѣхалъ просить совѣта и помощи.

— Милости прошу! сказалъ въ отвѣтъ старецъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; привяжи свою лошадь и войди въ мой убогій пріютъ.

Витязь привязалъ лошадь и вотупилъ въ его скудное жилище, въ которомъ ничѐго небыло кромѣ кучи сѣна и травы, да большаго камня, который служилъ ему вмѣсто стола. На этомъ столѣ лѣжало нѣсколько сухихъ овощей, нѣсколько такихъ же плодовъ было развѣшено на жердяхъ и веревкахъ.

— Извини, что принимаю тебя добрый богатырь въ такомъ плохомъ пріютѣ.

— Мнѣ нуженъ не пріютъ, а совѣтъ и утѣшеніе, мой добрый старецъ.

— Ну садись мой другъ и повѣдай свое горе.

— Прежде всего мой старецъ тебѣ повѣдаю, что я величайшій изъ грѣшниковъ.

— Что же! Божіе милосердіе неизмѣримо и нѣтъ сомнѣнія, что Провиденіе приметъ твое разскаяніе, говорилъ старецъ.

— Я шестнадцать лѣтъ назадъ продалъ свою душу, четыре года осталось жить мнѣ и въ то время когда я сталъ богатъ, знатенъ семьянинъ, семейное счастіе мнѣ стало тяжестью и укоры совѣсти съ каждымъ днемъ дѣлаются невыносимыми, а близость срока грозитъ мнѣ смертью съ ея ужасами и гнѣвомъ Творца.

— Да, сынъ мой! я вполнѣ сознаю твое положеніе ты несчастенъ. Я знаю и причину твоего поступка; но молись Творцу, Онъ можетъ быть неоставитъ тебя, потому, что если ты увлекся, то увлеченію этому была твоя молодость и тотъ неотразимый рокъ, который сохранялъ въ живѣ три столѣтія твою невѣсту. Я все знаю.

— Но можно ли этому дѣлу помочь,

— Трудно.

— Спаси меня добрый старецъ и я буду повесь свой вѣкъ молиться за тебя.

— Трудно.

— Я посвящу себя въ монастырь, надѣну вериги, лишь бы только Господь чрезъ твои

молитвы ниспослалъ мнѣ прощеніе и чтобы злой дьяволъ возвратилъ мою росписку.

— Хотя раскаяніе твое сильно, но оно вызвано угрызеніемъ совѣсти и страхомъ суда Божія, но недавай обѣтовъ; а помни то, что мы невластны безъ Бога сдѣлать, что нибудь по своему произволу. Господь не спрашиваетъ съ насъ никакихъ обѣщанія. Но твое дѣло очень трудное.

Витязь упалъ на колени и со слезами на глазахъ цѣловалъ руки и ноги святаго.

— Старецъ! помоги если можешъ облегчить мнѣ великому грѣшнику оказать такую помощь, то эта помощь твоя будетъ величайшее благодѣяніе; ты осушишь слезы моей семьи, тебя благословятъ тысячи несчастныхъ, которымъ я буду раздовать богатую милостыню. Искупи грѣшника и открой ему дорогу въ рай.

— Мнѣ жалки твои слезы Громобой; добродѣтель твоя также шепчетъ мнѣ затебя, за счастье твоей семьи и за счастіе многихъ, которымъ ты оказалъ пользу. Но послушай Громобой, можешь ли ты выдержать то великое испытаніе, которое тебѣ представится.

— Лишь бы оно было для спасенія моей души. Я готовъ выдержать всѣ мученія тѣла чтобы получить спокойствіе души.

— Нѣтъ! ты непонялъ меня витязь. Мученія тѣла ничего незначатъ противъ страданія души.

— Временное страданіе ничего незначитъ противъ страданій вѣчныхъ, святой старецъ.

— Ты говоришъ справедливо и хотя трудно, но дѣлать нечего я долженъ помочь ближнему чтобы помочь тебѣ. При этомъ пустынникъ всталъ и воздѣвъ руки къ небу, сказалъ:

— Боже всемогущій! помоги мнѣ въ моемъ намѣреніи, Ты видишъ сердца наши и знаешь чувства наши.

Сказавъ эти слова, старикъ обратился къ Громобою и сказалъ.

— Отвѣдай этихъ плодовъ сынъ мой и ложись отдохнуть; намъ предстоитъ путь.

Громобой хотя совершенно лишился апетита, но изъ угожденія къ особѣ старца раздѣлилъ его скромную трапезу и потомъ легъ напредложенное ему ложе.

Не много отдохнувъ, Громобой всталъ и увидѣлъ что старикъ одѣтый подорожному сидѣлъ на травѣ на порогѣ, и опираясь на палку, углубился въ задумчивость.

— Я готовъ почтенный старецъ, сказалъ Громобой.

— Умой лицо и руки у этаго источника, вода его освѣжитъ твое чело. Громобой послѣдовалъ его совѣту.

— Почтенный старецъ! позволь предложить тебѣ мою лошадь, а я пойду пѣшкомъ и поведу ее подъ уздцы.

— Нѣтъ сынъ мой! ты поѣзжай; а я слишкомъ старъ, чтобы подняться на стременахъ. Было время и я ѣзжалъ богатыремъ и участвовалъ въ битвахъ: но время прошло, и теперь въ памяти осталось прошлое, какъ смутный сонъ. А ты садись, до захвати съ собою мѣшокъ съ сухими плодами. Будетъ время я осѣдлаю еще разъ коня, но то будетъ послѣдній разъ, и покажу себя богатыремъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мрачное подземелье. Двѣнадцать старцевъ. Молитва. Вѣщаніе. Сны Спасеніе:

Тихой поступью шли наши путники, не вѣдомыми Громобою тропами, который велъ за поводъ своего богатырскаго коня.

— А что отецъ мой! позволь спросить тебя, чей ты сынъ, если только этимъ я не оскорблю тебя.

— Мои родители тебѣ не могутъ быть извѣстны я сынъ одного изъ славныхъ слугъ Святославовыхъ, имя мое—Предиславъ. Когда отецъ мой сопровождалъ княгиню Ольгу въ Царьградъ, то по примѣру ея принялъ Гречес-

кую вѣру и попріѣздѣ привелъ въ эту вѣру всѣхъ въ семействѣ. Я подрасталъ и укрѣплялся въ силахъ и ходилъ съ отцомъ въ рядахъ на Печенѣговъ, косоговъ и въ Болгарскія страны. Славное было время, время побѣдъ и молодечества. Былъ женатъ какъ и ты, также какъ и ты имѣлъ семейство и полюбилъ жизнь спокойную, потерявъ жену и двухъ сыновей, я потерялъ также тѣ лѣта, которые нужны были мнѣ, какъ богатырю, чтобы продолжать боевую жизнь; да признаться отвыкъ и сталъ презирать всякое ремесло, гдѣ проливается безвинная кровь человѣческая; устарѣвъ тѣломъ я почуялъ въ себѣ новую духовную силу, силу бкагодати Господней, которае никогда неугаситъ въ вѣрующемъ и захотѣлъ скрыться въ эту пустыньку, чтобы никто немѣшалъ мнѣ въ бесѣдѣ съ Богомъ. Ты знаешь Громобой, что и сейчасъ еще много язычниковъ, которые всѣми силами стараються опять возстановить капища и не навидятъ христіанъ. И вотъ теперь въ этой хижинѣ я провожу уже тридцать три года.

Разсказывая это, старикъ и Громобой шли далѣе иногда отдыхая. Витязь боялся обнаружить даже движеніемъ нетерпѣніе ишелъ себѣ куда ему указало. Ночь застала ихъ въ лѣсу, нужно было расположиться спать. Громобой нарубилъ сучьевъ, травы и сдѣлалъ довольно

мягкую постѣль для себя и для старца. Ночь прошла и лишь только наступило ранее утро, какъ они опять продолжали путь. Старецъ время отъ времени говорилъ Громобою различные разсказы изъ жизни святыхъ дѣятелей христіанской церкви и тѣмъ самымъ указывалъ какія испытанія претерпѣвали тѣ, которыя хотѣли заслужить вѣнецъ правды. Витязь внималъ словамъ Предислава и не замѣтно, безскучно сокращалъ путь. Наступилъ опять вечеръ и на открывшейся полянѣ увидѣли они полуразрушенное каменное зданіе почернѣвшее отъ времени, поросшее мхомъ и травою, а мѣстами изъ камней торчали кусты шиповника и базилики.

— Ну вотъ и путь нашъ конченъ, мой сынъ. Теперь намъ необходимо огня. Безъ огня мы можемъ сбиться съ пути.

Громобой былъ въ затрудненіи. Онъ незналъ куда поставить своего коня, и потому спросилъ старца, куда его дѣть, чтобы его незаѣли хищные звѣри, которыхъ встрѣчали на пути.

Старецъ взялъ лошадь за поводъ и помѣстилъ въ ему извѣстной пристройкѣ и нащипавъ свѣжей травы, велѣлъ сдѣлать запасъ воды для коня Громобою.

Богатырь все это исполнилъ и вотъ наконецъ старикъ сказалъ:

DAMAGED PAGE(S)

Здѣсь мы должны пробыть три, а можетъ быть и четыре дня, ты долженъ быть здѣсь дня три или четыре невидать свѣта и находиться на молитвѣ. Оставь свой мѣчь и доспѣхи, они ненужны предъ лицомъ Бога. Громобой повиновался. Старецъ высѣкъ огня изажегали восковую свѣчу повелъ своего спутника подлиннымъ переходамъ таинственнаго зданія этими переходыми спутники то поднимались вверхъ, то спускались внизъ и наконецъ достигли двери которая лежала накаменномъ полу.

— Ты помоложе и посильнѣе меня, Громобой и потому легче меня поднимешь ее. Громобой весьма легко поднялъ ее и старецъ сказалъ: ступай сынъ мой впередъ по этой лѣстницѣ и держись за стѣну, а я тебѣ буду свѣтить.

Лишь только дверь была открыта, то вмѣсто гнилостнаго и затхлаго воздуха оттуда пахнулъ пріятный араматическій запахъ, что его очень удивило.

Широкіе и высокіе каменные ступени, въ числѣ отъ тридцати и болѣе, ввели его въ подвалъ съ высокими сводами освѣщенный восковыми свѣчами, стоящими предъ мрачными стѣнами

— Останься здѣсь сынъ мой, я сейчасъ возвращусъ и путеводитель Громобоя отворилъ дверь, находящуюся въ углу стѣны.

Громобой, повинуясь вовсемъ старцу, стоялъ дрожалъ отъ страха. Ему была удивительна эта таинственность и неизвѣстность будущаго, которое должно было наступить въ скорости чрезвычайано пугало; тѣмъ болѣе, когда Громобой былъ уже предъувѣдомленъ о великомъ испытаніи ему предстоящемъ.

Вдругъ.. дверь отворилась и яркій свѣтъ поразилъ его взоръ: съ большими восковыми свѣчами въ рукахъ изъ другой комнаты вышло двѣнадцать старцевъ въ черныхъ рясахъ съ бѣлыми какъ лунь бородами и волосами и подошли къ Громобою и встали врядъ въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Придиславъ въ числѣ этихъ двѣнадцати подошелъ къ нему съ чашею и приказалъ омыть лицо, руки и ноги.

Громобой исполнилъ это и ему было приказано идти босикомъ въ слѣдующую комнату.

Слѣдующая подвальная комната составляла какъ бы молельню. Всѣ стѣны ея были украшены образами и предъ каждымъ изъ нихъ теплились лампады или горѣли свѣчи.

Громобой хотѣлъ было перекреститься но ему непозволили и одинъ изъ старцевъ, по видимому старѣйшій спросилъ его:

— Ты христіанинъ?

— Да! былъ отвѣтъ Громобоя.

— Знаешь молитвы?

— Знаю.

Старѣйшій спросилъ какіе молитвы онъ знаетъ, наконецъ заставилъ ему ихъ прочитать. Когда Громобой исполнилъ это, старѣйшій вновь приступилъ къ вопросамъ:

--- Отецъ твой, также былъ Христіанинъ?

--- Да,

--- Мать?

--- Тоже Христіанка.

--- Зачѣмъ ты пришелъ къ намъ?

--- Меня привелъ старецъ Предиславъ

Старцы обратились къ Предиславу

Предиславъ всталъ рядомъ съ Громобоемъ лицомъ къ вопрошающимъ и сказалъ:

Витязь Громобой, котораго вы предъ собою видите братія, есть великій грѣшникъ, котораго успокоить я былъ не въ силахъ и прошу васъ за него принести общую нашу молитву, да простить ему Богъ согрѣшеніе его.

--- Въ чемъ же его прегрѣшеніе?

--- Онъ продалъ свою душу діаволу-

--- Діаволу? о несчастный! велико прегрѣніе твое, несчастный.

--- Братіе! помолимся за него говоритъ со слезами Предиславъ.

---Помолитесь за меня старцы, сказалъ. Громобой.

Тогда старѣйшій подойдя къ нему; спросилъ:

--- Какъ ты могъ продать душу свою духу злобы если родители твои Христіане воспитали

тебя въ духѣ добродѣтели и когда крестили тебя, то ужеза тебя отрицалися отъ сатаны?

Громобой въ смущеніи стоялъ безмолвно на коленяхъ и проливалъ слезы громко плача

Тогда Предиславъ выступилъ опять съ рѣчью:

Братіе!.. вѣрьте его слезамъ, это слезы раскаянія. Громобой не продалъ бы души своей если бы она не пошла за освобожденіе другой души, которая гибла три столѣтія по волѣ жестокой матери. Вся послѣдующая жизнь его достойна подражанія. Онъ подаетъ добрыя совѣты, помогаетъ бѣднымъ, принимаетъ странниковъ, вноситъ вклады по монастырямъ, и въ свое семейство вноситъ счастіе;

Но здоровье его гибнетъ; онъ устарѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ и при всѣхъ своихъ благодѣяніяхъ онъ лишился надежды на милосердіе Божіе.... Братіе поможемъ ему своими грѣшными молитвами, пусть онъ будетъ жить на радость бѣдныхъ и въ лицѣ его возвратимъ счастіе его семьѣ и его родины. Предиславъ заплакалъ, старцы также и Громобой отъ неудержимаго волненія души упалъ въ обморокъ.

Когда онъ очнулся то Предиславъ поставилъ его въ уголъ моленнаго покоя и велѣлъ ему молитея; старцы молились также и пѣли хвалебныя пѣсни, одинъ изъ старцевъ читалъ молит.ву

Чрезъ каждые два часа благочестивые сподвижники немного отдыхали и потомъ опять

начинали свои моленія. Громобой также молился и даже не переставалъ молитву во время отдыха старцевъ. Волненіе его и усердіе до того были сильны, что потъ катившій съ его чела образовалъ большое мокрое пятно на каменномъ полу.

Такъ прошло много часовъ. Наступило время отдыхновенія. Двое отшельниковъ стали читать молитвы прочіе вышли кудато въ ихъ кельи.

--- Отдохни немного, сказали они Громобою, но тотъ продолжалъ молиться.... Вдругъ онъ видитъ предъ собою грознаго Эфіопа, который предсталъ предъ нимъ во всемъ ужасающемъ величіи окруженный сонмомъ своихъ клевретовъ.

— Чего ты хочешь отъ меня Громобой!

— Именемъ Бога всемогущаго я требую отъ тебя взятой у меня записки на мою душу.

Но, вѣдъ, ты самъ ее мнѣ отдалъ?

— Да, но я не зналъ страха смерти иугрызеніи совѣсти, я не постигалъ по легкомыслію, грѣха такъ какъ я былъ тогда невиненъ

— Напрасно Громобой хлопочешь...Если ты хочешь славы, возьми я дамъ тебѣ если хочешь горы золоты я тебѣ засыплю амбары, царства дамъ, но не требуй чего невозможно говорилъ сатана.

— Для Бога все возможно, а ложной земной славы я не ищу; я ищу жизни вѣчной и божьяго милосердія.

— Какъ тебя пугаетъ смерть.

— Меня пугаетъ гнѣвъ Божій и вѣчная погибель души отвѣчалъ Громобой.

— Да я ли виноватъ въ твоей душѣ, когда она была триста тридцатъ шесть лѣтъ назадъ по завѣщанію отдана мнѣ, въ замѣнъ сего я освободилъ твою жену.

Это до меня некасается; но я и эти святые отшельники будутъ молится о мнѣ Господу, могуществу котораго нѣтъ предѣловъ;

— Напраснаго требуешь...Тутъ Громобой...проснулся и осмотрѣлся вокругъ. Въ моленльѣ догарали свѣчи, и два отшельника неумолкаемо читали молитвы.

Громобой подозвалъ одного изъ нихъ и разсказалъ видѣніе.

Отшельникъ осѣнилъ его крестомъ и сказалъ:

Молись и вѣрь Благости Божіей. Старецъ вышелъ и повѣдалъ о сновидѣніи прочимъ.

Опять цѣлые сутки прошли въ неустанной молитвѣ. Наступило время краткаго успокоенія; два чередовыя отшельника вновь стали читать у своихъ налоевъ.

Громобой, считая грѣхомъложится до совершеннаго утомленія, молился сперва стоя

потомъ на коленяхъ и наконецъ опять крѣпкій сонъсмѣшилъ его вѣжды.

Опять видитъ: въ быстромъ мрачномъ облакѣ къ нему несутся нѣсколько тѣней. Мрачная и суровая женщина въ крови предстала предъ нимъ окованная по шеѣ, рукамъ, и по ногамъ. Два страшные врага правды держали ее на цѣпяхъ и бичевали по плечамъ. Волоса ея въ безпорядкѣ вились по плечамъ,

Громобой затрепеталъ при видѣ такого истязанія слабой, но прекрасной женшины и встрѣтиль въ ней что то общее съ свой супругой; только яростное выраженіе въ глазахъ портило подобіе.

—Что ты дѣлаешь со мною, Громобой! видишь какъ меня истязуютъ кричала женщина.

— Вижу! но я не знаю тебя! сказалъ Громобой

— Я родная мать твоей жены, убитая ея отцемъ.... Тебѣ не жаль меня: вотъ видишь эту рану она и сейчасъ не зажила еще и ее бичуютъ до новыхъ ранъ.

— А тебѣ не жаль меня, что я по твоей жестокости долженъ былъ продать душу Сатанѣ и томиться, какъ здѣсь на землѣ такъ же мучиться, какъ и ты теперь послѣ смерти.

— Но душа твоя не возвратится изъ рукъ дьявола, ты напрасно прибавляешь мнѣ, адскихъ страданій. Ты и такъ своими добродѣтеля и дополнилъ мою муку смотри: колодка на шеѣ, ежеминутное бичеваніе этими плетями, развѣ это не больно мнѣ. Оставь свои напрасныя требованія; не ужели мнѣ изъ своихъ прихотей удесятерить свои вѣчныя страданія. Женщина застонала и бичеваніе усилилось

—Нѣтъ, жестокая женщина, ты заслужила это наказаніе земными злодѣяніями, если ихъ любила болѣе, чѣмъ добродѣтель; я же напротивъ ищу возвратить себѣ милость правосуднаго Творца и когда достигну этого, то буду просить о тебѣ его безпредѣльное милосердіе.

Сильное бичеваніе, скрежетъ зубовъ и звонъ цѣпей послышалось въ отвѣтъ на послѣднія слова Громобоя и онъ опять проснулся. Стараясь запомнить отъ слова дослова все имъ видѣнное, онъ тотчасъ передалъ свое видѣніе одному изъ ночныхъ читальщиковъ и тотъ сказавъ въ отвѣтъ; «Молись и вѣрь благости Божій» вышелъ для передачи прочимъ старцамъ.

Вѣра въ милосердіе божіе и надежда на освобожденіе изъ рукъ діавола усилила въ Громобоѣ неутомимость. Два дня не ѣлъ Громобой, на третій, проглотивъ нѣсколько сухихъ

плодовъ, продолжалъ моленіе; ноги его едва держались, колени опухли и горѣли какъ въ огнѣ, сердце билось, глаза непросыхали отъ слезъ съ которыми онъ возносилъ свою молитву. Прошелъ еше день или сутки; на этотъ вечеръ вышли всѣ отшельники и остались на всю ночь продолжать хвалебныя пѣсни, а одинъ изъ нихъ читалъ какую то книгу.

Пѣніе было тихбе, благоговѣйное.

Наступила минута, когда Громобой отягченный трехъ дневнымъ бдѣніемъ не могъ выдержать наравнѣ съ прочими отшельниками моленія и также какъ и прежде этого заснулъ.

Въ минуту его забвенія предъ нимъ предсталъ страшный вельзевулъ съ сонмомъ духовъ, но уже не такъ близко, какъ прежде. Онъ держалъ въ рукахъ цѣпи, накоторыхъ металась изуродованная бичеваніемъ тѣнь матери Натальи съ пѣною у рта.

— Видишь ли какія муки принимаетъ она, виновница твоей погибели? кричалъ вельзевулъ, держа въ рукахъ росписку Громобоя.

— Вижу! и молю Всемогущаго Бога, чтобы онъ мнѣ простилъ мои согрѣшенія и возвратилъ мою душу изъ твоихъ когтей.

— Ты хочешь этаго; но какой же цѣной ты хочешь выкупить свое рукописаніе?

Вдругъ взвилось свѣтлое облако и три святыя дѣвы: Вѣра, Надежда и любовь стали близъ Громобоя.

Богъ простилъ его, и ты не имѣешь права болѣе держать у себя его рукописанія.

Ударилъ громъ, демонъ съ женщиною и сонмомъ своихъ клевретовъ пропалъ, Святыя дѣвы также Громобой проснулся...

Обратясь лицомъ къ Громобою, стояли пустынники съ веселыми лицами, воспѣвая хвалебныя пѣсни. На полу лежало рукописаніе, которое Громобой шестнадцать лѣтъ назадъ отдалъ дьяволу.

— Вотъ сынъ мой видишь ли какъ свята и какъ сильна молитва каждаго, кто хочетъ усердно молиться, вѣрь и передай своимъ дѣтямъ и внукамъ, что молиться никогда не поздно и что Господь никогда ни отказывалъ изъ числа тѣхъ, кто имѣетъ надежду на Бога и любитъ его.

Одинъ изъ отшельниковъ взявъ кусокъ полотна, завернулъ въ него рукописаніе и съ молитвою сжегъ его въ виду всѣхъ.

Поблагодаривъ Господа за его избавленіе онъ сросилъ старцевъ, что ему теперь дѣлать, возвратиться домой или оставаться съ ними такъ, какъ великая благость Божьяго милосердія уже указала ему на великое значеніе добродѣльной жигни и сподвичества.

Прежде всего сынъ нашъ тебѣ нужно ѣхать домой и заботится домой о томъ, чтобы дѣлами добродѣтели ты могъ показать другимъ примѣръ и также обрадовать свою семью своимъ скорымъ чудеснымъ спасеніемъ. Но не забывай, что врагъ можетъ быть будетъ изыскивать средства нарушить твое счастіе; берегись! и въ счастье и въ несчастіи не унывай, а помни это событіе, которое говоритъ о Божьемъ неистощимомъ милосердіи.

Получивъ отъ каждаго изъ старцевъ особенное благословеніе, онъ оставилъ ихъ и опять пошелъ по длиннымъ переходамъ путеводимый пустынникомъ предиславомъ.

Разставаясъ состарыми, отшельниками онъ кланялся имъ, лобызалъ ихъ руки и ноги, но отшельники строго запретили ему это говоря что покланяться нужно одному Богу.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Новая жизнь. Любовь Всеслава: Колдунья и страшный Лютоборъ.

Ожилъ Громобой и помчался на своемъ богатырскомъ конѣ, словно помолодѣлъ на десять лѣтъ. Просвѣтлѣла его тоскующая

душа словно окрыленная благодатью. Пропали укоры совѣсти, пропала тоска, которая глодала его сердце, Такъ всегда свѣтло и весело на душѣ праведника, который незнаетъ укоровъ своей совѣсти.

Вотъ уже свѣтлѣютъ верха Новгородскихъ храмовъ, Скоро—скоро, думаетъ Громобой, я увижу родную семью и обрадую свою вѣрную супругу.

Вь самомъ дѣлѣ на высокой башенкѣ терема Громобоя, каждый день просиживала Наталья съ своимъ сыномъ, дожидаясь своего мужа, котораго она искренно любила, а сынъ ея ожидалъ отца, красу и честь Новгорода.

Вдругъ завидѣли они вдали пыль и скоро всадникъ въ золотой бронѣ на гнѣдомъ конѣ сталъ ясно видѣнъ на дорогѣ.

— Милый Всеславъ! Смотри никакъ это нашъ любезный отецъ?

— Да матушка это точно онъ.

— Поди, встрѣчай скорѣй! п вели седлать коня, заторопилась его милая матушка.

Въ двѣ минуты конь былъ оседланъ и два богатыря встрѣтились и обнялись. Сынъ незнавъ тайны но супруга, какъ только хотѣла выдти изъ свѣтлицы, то мгновенно радость превратилась въ сомнѣнiе и у ней подкосились ноги, Кто знаетъ можетъ быть

онъ не могъ ничего успѣть, что всего вѣрнѣе. Кто знаетъ, можетъ быть противъ такого грѣха нѣтъ спасенія.

Но вотъ съ свѣтлымъ радостнымъ лицомъ молодцомъ входитъ въ свѣтлицу Громобой. Лишь только взглянула на него красавица жена, какъ тотчасъ сердечно поняла уже, что онъ не напрасно воспользовался ея совѣтомъ.

Послѣ пер вой радости свиданія, оставшись съ женою на единѣ. онъ ей разсказалъ о всей тяжести его исповѣди и молитвы, о чудеснѣйшемъ заступничествѣ отшельниковъ, о странныхъ ночныхъ видѣніяхъ и о дивномъ могуществѣ и милосердіи Творца.

Вскорѣ потомъ совершено было по этому случаю благодарственное молебствіе и Громобой далъ себѣ обѣщаніе построить на мѣстѣ обители отшельниковъ новую въ память чудодѣйствія.

Прошло лѣтъ шесть Громобой совершено ожилъ духомъ и возмужалъ тѣломъ, такъ какъ прежде горесть его быстро склоняла къ могилѣ.

Но дьяволъ не дремалъ и готовилъ новыя казни.

Всеславъ мужалъ не погодамъ и когда ему минуло двадцать лѣтъ, то не было ему равнаго въ умѣ, красотѣ и молодечествѣ

Прогуливаясь по улицамъ Новгородскимъ онъ примѣтилъ одну красавицу, примѣтивъ одинъ разъ, онъ сталъ искать случая видѣть ее въ другой и въ третій разъ; такимъ путемъ у него запала въ молодое неопытное сердце любовь; молодой Всеславъ нашелъ случай видѣться съ красавицей, но гордая Новгородка, не смотря на красоту отвергла эту любовь, сказавъ: Нѣтъ витязь! „мнѣ ли простой горожанкѣ любиться съ тобою! ищи себѣ равную.“

Она и справедливо; и въ то время народные касты были рѣзко дѣлимы и разумѣется эта дѣлимость была вездѣ принимаема въ соображеніе, а особенно въ бракахъ.

Отказъ былъ и оскорбителенъ и рѣзокъ для такого, какъ онъ витязя.

Погоди же найду тебя, красавица, не убѣжишь отъ меня, думалъ Всеславъ и сталъ изыскивать, какіе нибудь способы, чтобы дѣвица полюбила его.

— Встарь не такъ было, какъ теперь то ведется, скорѣе всего прибѣгали въ дѣлѣ любви къ колдунамъ да ворожеямъ, въ дѣлѣ мщенья къ мечу да къ огню, а въ тонкости не входили.

Прежде всего Влеславъ бросился къ колдуньѣ, ища совѣта.

На берегу Волхова на высокомъ выдавшемся съ берега утесѣ была старая рыбачья избушка въ которой жилъ давнымъ давно рыбакъ, но умеръ и избушка, ни кѣмъ не занятая, долгое время стояла такъ, безъ всякаго назначенія и сѣверный вѣтеръ хлопалъ ея дверью, пугая прохожихъ ночью исвистѣлъ, гуляя по ея угламъ и въ пузырную оконничину.

Въ этой то избушкѣ и поселилась какая-то проходная нищая, которая промышляла погороду подаяніемъ, гадаяніемъ на рукѣ, бобахъ на водѣ, и наконецъ ворожбою. Скоро всѣ Новгородцы узнали о досужествѣ старухи и кто избѣгалъ ее, а кто искалъ случая къ знакомству.

Она отличалась вѣрнымъ угадываніемъ и большими знаніями въ чародѣйствѣ.

Вотъ къ этой то старухѣ мозглой, дряблой и желтой какъ рыжикъ, отправился молодой Всеславъ, чтобы попросить колдунью поискать средства нельзя ли какъ нибудь обратить къ нему сердце дѣвушки.

— Что тебѣ надоть, родимый! спросила старуха, встрѣтивъ сына воеводы, на порогѣ своей лачуги.

— Да ты, говорятъ, ворожишь бабушка, такъ я хочу попросить тебя: погадай мнѣ малую талику.

— Отчего же не погадать, отъ услуги не слѣдъ отказываться сказала старуха, раскидывыя на столѣ въ безборядкѣ бобы. На кого тебѣ, чай на дѣвушку!

— Да на дѣвушку.

— Такъ-такъ! дѣвушка бѣлокурая, такая жеманная съ голубенькими глазками, розовыми щечками....

— Ну-да да! я ее знаю и самъ не хуже тебя... перебилъ Всеславъ, ты скажи любитъ ли она меня?

— Погоди желанный, до всего доберусь не торопись и колдунья медленно перекидывала и раскидывала бобы по столу.

— Ну что же скоро ли?

Любить ты ее больно любишь

— Это я самъ знаю, что люблю, а вотъ она то меня любитъ ли? скажи.

— Ну опоздалъ маленько родимый; сердечко то ея другому отдано.

— Какъ такъ?

— Влюбившись въ молодца, который хоть тебя не краше, да ей милѣе; знаешь ли ты одну пословицу, пришелся по сердцу молодчикъ не похорошу милъ, а по милу хорошъ.

Всеславъ сжалъ кулаки, глаза его заблистали гнѣвомъ.

— Да, развѣ я чѣмъ хуже всякаго другаго въ Новгородѣ, чтобы меня не полюбить куражился Всеславъ.

— Сердцу не укажешь, оно лицѣмѣрить не умѣетъ, храбрый витязь.

— Я убью того, который захочеть овладѣть тою, которую я полюбилъ.

— Онъ овладѣлъ раннѣе тебя, такъ по этому ты виноватѣе.

— Да вѣдь я сынъ перваго богатыря и воеводы Громобоя.

— Чтоже гакое, хотьбы самаго князя Кіевскаго. Силою милымъ не быть.

— Такъ ты мнѣ по совѣтуй добрая старушка, какъ помочь моей бѣдѣ Мнѣ смерть, я не вижу покоя ни днемъ ни ночью

— Да! чтожъ отбивать то у другаго! развѣ мало красавицъ набѣломъ свѣтѣ.

— Для чего ты такъ умничаешъ, если тебя просятъ, такъ ты должна помогать, сказалъ молодой человѣкъ.

— Пожалуй я и на то готова, дамъ тебѣ такого снадобья, что стоитъ только раза три на нее взглянуть, такъ и полюбишься.

— Ну такъ давай же сейчасъ, да поскорѣе старая корга, а то пожалуй дома станутъ искать.

— Погоди не изволь торопиться, а то и завтра придешь, говорила старуха, едва поварачиваясь отъ старости. Старуха медленно вправила лучину плохо горѣвшую отъ сквозившаго волховскаго вѣтра, въ щели двери и оконъ. Потомъ развела на шесткѣ небольшой огонь на который поставила горшокъ съ какимъ то снадобьемъ. Молодой человѣкъ необращалъ на ея работу никакого вниманія, потому что былъ углубленъ въ досадныя размышленія по поводу неудачи въ любви, отъ соперника ранѣе овладѣвшаго сердцемъ красавицы и съ досадою щипалъ чуть пробивавшійся усъ.

— Скороли? наконецъ спросилъ онъ опомнившись отъ размышленія.

— Сейчасъ, мой витязь.

— Старуха при этомъ подала ему маленкій горшечикъ съ какой то мазью.

— Ну вотъ тебѣ и снадобье; какъ только утромъ помажешь этой мазью лицо и потомъ смоешъ его ключевою водою, да утрешься до суха, такъ только бы увидѣла тебя; съ разу ты ей понравишься, а какъ въ три раза увидитъ, такъ тогда совсѣмъ съ тоски исчахнетъ. Да смотри неговори прото, что я тебѣ дала. Ни—ни!

— Ну вотъ еще! отвѣчалъ Всеславъ. такъ больше мнѣ ничего дѣлатъ ненадобно?

— Зачѣмъ? Помни только что сказала.

Всеславъ выбросилъ старухѣ нѣсколько ногатъ и поспѣшно вышелъ, озираясь кругомъ, чтобы незамѣтилъ, зачѣмъ и куда онъ ходилъ.

Старуха, притворивъ за витяземъ дверь, какъ только того позволяло ея жилище, загасила огонь и накинувъ на плечи овчинную шубу, ворча полезла на печь спать, захвативъ съ собою и ногаты, которыя положила въ печурку, закрывъ кирпичемъ.

Лишь только она подъ обояніемъ теплоты закрыла вѣжды и думала прикурнуть, какъ въ дверь ея хижины кто-то постучался.

— Кого это несетъ нелегкая, полуночная вольница! ворчала старуха. Кажется теперь и другимъ нужно покой дать. Ворча и сердясь, она сползла съ печи и подойдя къ двери, сердито спросила:

— Кто тамъ, полунощникъ! чай пора и честь знать... Што за шатанье объ эту пору.

— Отворяй старая!.. Аль не слышишь кто по голосу, говорилъ голосъ мужчины.

И родной! милости просимъ, милости просимъ, твоей чести вездѣ и - за всякъ день рады, встрепенулась старуха, отворивъ дверь и торопясь зажигать лучину.

— Поскорѣе огня давай, я на два слова только пришелъ.

Лучина была зажжена и предъ полуиспуганной старухой стоялъ мужчина средняго роста, старикъ закутанныйвъ охобень въ черной бараньей шапкѣ. Ядовитый взоръ сверкалъ изъподъ нависшихъ бровей, крючковатый носъ выражалъ коварность чему способствовали губы какъ то особенно выпятившіяся впередъ.

Я узналъ сегодня что къ тебѣ придетъ Всеславъ сынъ Громобоя и потомъ видѣлъ его сейчасъ. Чего онъ просилъ у тебя?

— Приворотнаго снадобья.

— И ты вѣрно дала.

— Дала батюшко Лютоборъ, дала.

— Ну а я тебѣ впередъ не совѣтую.

— Слушаю батюшка, слушаю, какъ мнѣ тебя не слушать.

Силу этого снадобья я сейчасъ же уничтожилъ и онъ будетъ недѣйствителенъ для Всеслава.

— Да почему же, батюшка, нашъ мудрый Лютоборъ, ты отбиваешь хлѣбъ отъ меня— старухи. Да по мнѣ, ты хоть Новгородъ перенеси куда-нибудь на море океанъ, мнѣ ни почемъ; а моему-то дѣлу, родимый, не мѣшай,

— Молчать!.., вскричалъ сердито незнакомецъ.

— Слушаю, слушаю, я супротивничать противъ тебя не могу... и старуха, говоря это, дрожала всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Знаешь ли, что если Всеславъ влюбился въ молодую Свѣтлану, то это было мое желаніе; я хотѣлъ этого, сказалъ колдунъ Лютоборъ.

— Нѣтъ, нѣтъ я не вѣдаю этого.

— Ну, такъ знай; я сдѣлалъ такъ, что онъ влюбился до безумія въ Свѣтлану, когда она смертельно влюблена въ другаго и никакая сила кромѣ меня не разрушитъ любовь Свѣтланы.

— Да зачѣмъ это? спросила старуха, думая о томъ, что интересъ ея тѣмъ и кончится, что она получила за одинъ разъ нѣсколько ногатъ.

— А развѣ ты не догадываешься?

— Какъ я могу догадаться, мой добрый Лютоборъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: отецъ Всеслава, славный богатырь, Громобой, двадцать лѣтъ назадъ, продалъ свою душу дьяволу и потомъ посредствомъ молитвъ отшельниковъ ему было возвращено рукописаніе. Это чрезвычайно озлобило Вельзевула и онъ обѣщался, если не его такъ душой сына его, Всеслава, завладѣть всенепремѣнно, и поручилъ мнѣ воспользоваться случаемъ, чтобы оказать ему эту услугу. Теперь понимаешь, что ты сама должна содѣйствовать мнѣ въ этомъ.

— Очень рада, очень рада сослужить службу его мрачности.

— То-то и есть. Такъ помни, старая корга, и содѣйствуй всѣми мѣрами мнѣ, ты этимъ окажешь услугу.

Лютоборъ ушелъ при поклонахъ старухи, которая долго смотрѣла вслѣдъ за Лютоборомъ и потомъ со вздохомъ полѣзла на печь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Неудача. Волшебный клубокъ.

Получивъ отъ старухи-ворожеи завѣтное снадобье, Всеславъ торопился домой, чтобы испытать надъ собой благодѣтельный опытъ.

Прійдя домой, онъ тотчасъ спряталъ подальше ото всѣхъ завѣтный горшекь и тотчасъ завалился спать въ пріятныхъ надеждахъ на будущее.

Раннимъ утромъ проснулся Всеславъ и прежде, чѣмъ умыться, употребилъ въ дѣло свою мазь по предписанію, данному старухою. Всеславъ, какъ молодой человѣкъ, никогда незнавшій обмановъ, вѣрилъ, какъ и всѣ люди того времени, въ силу чародѣйства, болѣе чѣмъ въ настоящее, видимое предъ глазами, и потому

былъ убѣжденъ, что хотя не сразу, но ворожба старухи будетъ дѣйствительна.

Оказалось, какъ и можно было думать, что снадобье никуда не годилось. На первый разъ, Свѣтлана, взглянувъ на него, поморщилась, на второй день — отвернулась, а на третій разъ погрозилась и сказала:

— Не ходи мимо моихъ оконъ, Всеславъ, не буду любить тебя, никогда, никогда!

Горько стало Всеславу и досадно: ему ли, витязю-красавцу, воеводскому сыну, терпѣть такую обиду отъ дѣвушки, да еще притомъ простаго происхожденія. А дѣлать было нечего и жаловаться некому; каждый скажетъ: «не по себѣ дерево не руби, и дѣвушку не губи.»

— Да что же это такое? спрашивалъ самъ себя Всеславъ, склонивъ у стола на ладонь свою буйную голову. Али я, молодецъ, не знатенъ, не богатъ, не уменъ и не красивъ, что мнѣ нѣтъ удачи, въ томъ, что мнѣ хочется? Я не мыслю ничего себѣ и зла у меня на умѣ вовсе нѣтъ. Эхъ, горе мое лютое, безъисходное; видно такова судьбина моя горькая! Погожу же я, что-то будетъ далѣе, потерплю, неостынетъ ли мое сердце бѣдное, къ этой гордой, красной дѣвушкѣ.

Прострадалъ весь день добрый витязь, Всеславъ, съ лица спалъ, какъ его кликнулъ отецъ

его, Громобой; сынъ вошелъ и отецъ съ матерью подозвали его къ себѣ.

— Слушай, Всеславъ, нашъ любезный сынъ, сказалъ отецъ, по волѣ Творца и Его святыхъ угодниковъ, мнѣ Господь оказалъ вышнюю благость и даровалъ Свое прощеніе за грѣхи, о которыхъ тебѣ знать не слѣдуетъ. Я силенъ и богатъ, а потому имѣю возможность кромѣ молитвы и поста, приносимыхъ мною Богу, оказывать во имя Его благодѣянія бѣднымъ и несчастнымъ; но теперь вознамѣрился также построить обитель въ благодареніе за мое спасеніе и потому приказываю тебѣ сбираться вмѣстѣ со мною, такъ, чтобы завтра чуть-свѣтъ быть тебѣ на конѣ и въ путь.

Всеславъ при этомъ понурилъ голову.

— Какъ, батюшка, въ дорогу? Мнѣ что-то не можется. Нельзя ли остаться?

— Поѣдешь со мною, такъ, можетъ быть, тебя скорѣе облегчитъ благодать Божія. Никто какъ Богъ!

— Такъ-то такъ, родимый! да не лучше ли тебѣ подождать, пока немочь пройдетъ.

— Впрямь, Всеславушко, сынокъ мой любезный, чтожъ ты ранѣе намъ не сказалъ, что у тебя болитъ?

— Весь немоченъ, отъ ѣды отбило... ни спать, ни ходить не въ силахъ, отвѣчалъ Всеславъ всплакнувъ.

— Ну, батька, коли такъ, то лучше будетъ, если денекъ, другой подождать; можетъ быть простудился, или такъ сглазу. Погодите... а то я надумаюсь.

— Быть такъ, сказалъ Громобой не понимая, что за болѣзнь такая приключилась съ его сыномъ.

А Всеславъ между тѣмъ думалъ: а я пока попытаю еще у старой колдуньѣ снадобья покрѣпче той, которой она мнѣ дала.

И въ самомъ дѣлѣ, продумавъ всю ночь, онъ рѣшился еще до зари сходить опять къ своей покровительницѣ, въ ожиданіи будущаго счастія. Наступило раннее утро. Подъ видомъ прогулки по берегу Волхова, вышелъ Всеславъ на берегъ и отправился къ извѣстному ему утесу, гдѣ и постучался въ дверь колдуньи.

Старуха отперла и не безъ страха приняла Всеслава.

— Что тебѣ, родимый?

— Опять къ тебѣ, бабка. Ты, знать, меня обманула своимъ снадобьемъ.

— Нѣтъ, я не обманула, всѣ, кто ни пользовался моими совѣтами и помощью, не жаловали меня недобрымъ словомъ.

— Такъ отчего же мнѣ твое снадобье не подѣйствовало? спросилъ грозно Всеславъ, устремивъ взоръ на колдунью.

— Почемъ я знаю, нужно гадать.

— Ну, такъ гадай поскорѣе, я ждать долго не могу.

— Изволь, кормилецъ! только не горячись, я вѣдь не мать и не родня твоей зазнобѣ, норова ея не знаю; можетъ быть она тебѣ и непригодна; говоря это ворожея раскинула свои бобы и, вглядываясь въ расположенiе ихъ, качала сомнительно головою.

— Ну, что? спросилъ нетерпѣливо молодой витязь.

— Твое дѣло плоховато.

— Что такъ, да ну же, говори...

— Слышь ты, тутъ мои средства не помогутъ, хоть и сильны; и старуха устремила пытливый взоръ на молодца.

Витязь вспыхнулъ отъ нетерпѣнiя и неожиданной вѣсти.

— Такъ что же ты, старая вѣдьма, съ разу не сказала объ этомъ.

— Да ты дай мнѣ хорошенько до конца разсмотрѣть, можетъ быть и твое дѣло, какъ говорятъ, выгоритъ. Не сбивай съ толку.

— Ну, я молчу.

Старуха долго перекладывала свои бобы и наконецъ сказала:

— Слушай, нетерпѣливый молодецъ, что я тебѣ скажу, если хочешь знать, только не перебивай.

— Говори, говори, буду молчать.

— Тебѣ этой дѣвицы не видать, какъ ушей своихъ, слышишь!... Ею овладѣть никакимъ колдовствомъ не доводится; она такъ богомольна и набожна, что отъ нее всѣ наши прочь на тридцать поприщъ. Вотъ что!

— Такъ какъ же мнѣ?

— Такъ! если ты будешь къ ней приставать, ничего не получишь, кромѣ обиды, да непріятности.

Витязь поблѣднѣлъ. Ударъ былъ силенъ и рѣшителенъ. Онъ опустилъ голову на ладонь руки и локтемъ опершись на колено, долго думалъ; коварная колдунья наблюдала за движеніемъ его физіономіи.

— Такъ, стало быть, дѣло кончено? спросилъ онъ послѣ размышленія.

— Да.

— Такъ чтожъ ты за колдунья, если не можешь помочь мнѣ?

— Ты богатырь силенъ, а можетъ быть гдѣ нибудь сильнѣй тебя есть; а есть витязи, которыхъ ты побѣдилъ. Стало быть не у каждаго силы равны, не правда ли?

— Правда.

— Ну, вотъ и я также. Есть ворожеи хуже меня, а есть доки сильнѣе меня.

— Есть, ты говоришь?

— Есть.

— И ты знаешь, гдѣ есть такіе?

— Знаю.

— Такъ сдѣлай же милость укажи мнѣ на такого доку, который бы помогъ моей бѣдѣ.

— Не лучше ли, храбрый молодецъ, оставить это дѣло. Трудно, больно трудно тебѣ.

— А! ты прижимаешься... ну, ладно... ты боишься, что я тебѣ не заплачу? такъ на же тебѣ, только хоть тѣмъ услужи, что укажи мнѣ, гдѣ живетъ тотъ, кто можетъ помочь мнѣ! и съ этими словами Всеславъ выкинувъ кошелекъ съ золотомъ.

Колдунья того и ждала, такая подачка ей была за рѣдкость. Это могло служить ей вѣчнымъ неистощимымъ капиталомъ, и она, высыпавъ на ладонь монеты, сперва пересчитала ихъ, потомъ взвѣсила на рукѣ и наконецъ каждый попробовала на зубъ, боясь, какъ будто, того, что не деревянные ли они. При этомъ старуха улыбалась. Долго любовалась она и Всеславъ въ свою очередь любовался колдуньей, такъ какъ это зрѣлище занимало его.

— Ну, скоро ли?

— Скоро, скоро... сейчасъ! старуха вышла въ небольшой чуланъ и скоро вышла оттуда, неся съ собою красный клубочикъ.

— Вотъ тебѣ, мой добрый витязь, этотъ клубочикъ. Какъ только захочешь найти, того, кто бы могъ тебѣ съ успѣхомъ помочь, то пусти его и скажи: «Клубокъ! клубокъ! покажи

мнѣ дорогу къ тому, кто можетъ оказать мнѣ пользу, чтобы полюбила меня Свѣтлана,» и куда клубокъ покатится, ты иди туда же и не выпускай его изъ виду, а гдѣ онъ остановится, тутъ ты и ищи своего покровителя.

Уже свѣтало; время не позволяло тотчасъ же предпринять путешествіе по указанію краснаго клубка, и вотъ богатырь вознамѣрился совершить его ночью, на другіе сутки.

Подъ это же самое утро вотъ что снилось Громобою: видитъ онъ стараго отшельника, котораго онъ, двадцать лѣтъ назадъ встрѣтилъ на заповѣдной полянѣ, у источника, и который споспѣшествовалъ съ его братіей къ его спасенію. Этотъ отшельникъ, будто бы, подошелъ къ нему, говоря:

— Добрый витязь, Громобой! время не ждетъ, спѣши въ мою пустыню. Если ты предпринялъ благое намѣреніе, построить намъ удобное жилище, то мы не прочь отъ твоего благодѣянія и готовы съ своей стороны, не смотря на немочи наши, молиться за тебя, какъ и по сейчасъ молимся. Спѣши, говоритъ, къ намъ не медля, каждое мгновеніе дорого. Спѣши, спѣши, спѣши исполнять свое намѣреніе. Старецъ благословилъ его и пропалъ.

Громобой проснулся и тотчасъ же приказалъ готовить коня къ отъѣзду.

— Время не терпитъ, сказалъ онъ женѣ, меня призываетъ святой обѣтъ, который я долженъ исполнить и приступить тотчасъ.

— Съ Богомъ! Но какже Всеславъ?

— Всеславъ! если онъ здоровъ, то пусть со мною отправляется, а если нѣтъ, то пусть остается. Позовите сына.

Служитель пошелъ и встрѣтилъ его только что возвращающагося съ клубкомъ.

— Тебя спрашиваетъ отецъ твой, бояринъ.

— Какъ твое здоровье, Всеславъ, можешь ли ты ѣхать со мною? спросилъ Громобой сына.

— Нѣтъ, батюшка, я еще слабъ, и дѣйствительно. мучительная бозсонница и потеря аппетита, вслѣдствіе сильной любви, испортила его красивое лицо, полное жизни и румяное.

— Ну, такъ оставайся дома, я безъ тебя управлюсь съ дѣломъ. Воевода Громобой приказалъ своему вѣрному служителю осѣдлать богатырскаго коня, подать себѣ доспѣхи и оружіе, такъ какъ путь былъ не легокъ, и въ сопровожденіи своего слуги, везшаго за нимъ съѣстные припасы и кожаную кису съ золотомъ, отправились въ путь, простясь съ женою и сыномъ, получивъ напутствіе Новгородскаго Епископа.

Но пусть ѣдетъ нашъ храбрый и набожный Громобой съ своимъ вѣрнымъ служителемъ Баской. А мы возвратимся въ его семейство.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Клубокъ-вожакъ. Испугъ матери. Встрѣча Громобоя.

Нѣжная мать не спускала глазъ съ своего сына во весь день и горевала. Она непонимала, что значила такая перемѣна съ ея дорогимъ Всеславомъ. Счастливая жизнью и довольствомъ, она боялась, что болѣзнь нѣжнаго, единственнаго сына нарушитъ ея покой.

— Кто знаетъ, думала она, можетъ быть за грѣхи мои Господь лишитъ меня этой отрады, которую мнѣ приноситъ мой сынъ. Двадцать лѣтъ мы любовались имъ, онъ былъ краса города, а между тѣмъ, что съ нимъ сталось въ такое короткое время.

Нѣсколько разъ она спрашивала Всеслава, но онъ отзывался незнаніемъ, а между тѣмъ думалъ: «Милая матушка! да развѣ такія вещи вамъ довѣряются? Погоди! скоро поправлюсь я, только дай мнѣ время достать мою Свѣтлану!»

Наступилъ вечеръ, и подъ предлогомъ прогулки по городу, Всеволодъ вышелъ на берегъ Волхова, пѣшкомъ. Онъ не зналъ, близко или далеко поведетъ его клубокъ и потому не позаботился о лошади, только не забылъ захватить съ собою кошелекъ съ деньгами, такъ

какъ онъ зналъ, что нигдѣ нельзя получить услугу безъ платы.

Онъ бросилъ впередъ клубокъ и тотъ покатился довольно медленно, какъ бы соображаясь съ шагами Всеслава.

--- Какой умный клубокъ, подумалъ онъ, сейчасъ видно, что волшебный; любопытно посмотрѣть, куда онъ меня поведетъ. Клубокъ не останавливается и вотъ нашъ путникъ на краю Новгорода, вотъ уже они на большой дорогѣ.

--- Какъ! я уже за городомъ! Неужели такъ далеко должно идти. Но дѣлать нечего. Наступила лѣтняя ночь, свѣтлая, спокойная... А клубокъ все бѣжитъ и горитъ, какъ свѣчка, такъ что никакъ не можетъ его потерять изъ глазъ богатырь. И все идетъ впередъ... Что за чудо! вотъ уже мы съ клубкомъ прошли около десяти верстъ, а все еще нѣтъ конца, вотъ уже ночь; меня будутъ искать; но можетъ быть путь не далекъ, пойду далѣе, далѣе, думалъ Всеславъ и все шелъ за огненнымъ клубкомъ. Промелькнули по дорогѣ нѣсколько селеній ему знакомыхъ, широкихъ луговъ, полянъ, рощь, а огненный клубокъ не останавливается и все катится впередъ, да впередъ... Вотъ подернуло облакомъ луну, ночь затуманилась, а огненный клубокъ ведетъ его дремучимъ лѣсомъ и освѣщаетъ ему мрачный путь... выбрались на поляну, обходятъ болото.. опять вышли на доро-

гу... гора; клубокъ бѣжитъ въ гору. Витязь устаетъ. Что мнѣ дѣлать? Куда ведетъ меня клубокъ. Прошелъ далеко... Ужъ не вернуться ли? Дома осталась мать, она одна; можетъ плачетъ... Но нѣтъ у меня на сердцѣ Свѣтлана, впереди вожакъ. Иду!... онъ опять идетъ впередъ. Но вотъ ноги подкашиваются. Свѣтаетъ, а онъ все идетъ. Наконецъ усталость одолѣваетъ, но какъ остановить клубокъ, который можетъ пропасть. Постой! подумалъ онъ: если клубокъ волшебный, онъ можетъ быть пойметъ мой голосъ: «Стой, клубокъ! я отдохну!» и вотъ послушный клубокъ останавливается. Всеславъ схватилъ его и повалился на мягкую траву, гдѣ и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Наступило позднее утро, когда проснулся молодой искатель приключенiй, подбросилъ опять свой клубокъ, проговоривъ условныя слова и пошелъ далѣе. Слѣдуя за нимъ, на сей разъ, онъ досадовалъ, что не зналъ дальности пути и не запасся конемъ; но ежеминутно разсчитывая, что «вотъ-вотъ, сейчасъ конецъ дорогѣ», онъ проходилъ огромныя пространства и невидалъ конца своему путешествiю въ теченiи нѣсколькихъ дней. Но зайдя такъ далеко, онъ уже не находилъ полезнымъ возвращаться назадъ безъ всякаго толка и рѣшился продолжать путь, ночуя и покупая съѣстные припасы по дорогѣ, онъ радъ былъ тому, по крайней мѣрѣ, что зналъ,

какъ останавливать клубокъ, когда того требовала необходимость. Проходили они огромныя густые лѣса, переплывали рѣки, проходили не только луга, но степи и вотъ наконецъ въ одномъ изъ обширныхъ лѣсовъ, почти дѣвственныхъ, до которыхъ не касался топоръ человѣка клубокъ достигнулъ одной изъ горныхъ пещеръ, предъ дверью которой остановился клубокъ.

Сердце Всеслава вздрогнуло.

--- А! такъ вотъ гдѣ мнѣ должно искать своего счастія, подумалъ онъ и робко постучался въ дверь пещеры.

Пусть Всеславъ стучитъ, а мы заглянемъ, что дѣлается съ прочими нашими героями.

Одинокая мать, долго ожидая сына, ужинать и недождавшись послала искать его по Новгороду всѣхъ слугъ своихъ, но поиски были напрасны, хотя и видѣли его Новгородцы въ разныхъ мѣстахъ, что онъ шелъ по городу, но никто не находилъ нужнымъ спрашивать его.

Слуги возвратились съ тѣмъ домой, съ чѣмъ ушли изъ дому и мать легла спать, думая, что сынъ ея гдѣ-нибудь въ веселой компаніи заговорился съ товарищами.

На утро другаго дня, не видя возвратившимся своего сына, она опять послала къ знатнымъ новгородцамъ развѣдать; но тѣ же печальные вѣсти принесли ей вѣрные слуги. Тогда она нарядила нѣсколько конныхъ лат-

никовъ и приказала имъ ѣхать по всѣмъ новгородскимъ путямъ и распрашивать конныхъ и пѣшихъ, съ которыми только встрѣтятся, а также и въ селеніяхъ, не видали ли кто его, но и тѣ возвратились, говоря, что такого никто не видалъ, и даже на него похожаго. Это было справедливо потому уже, что если припомнимъ, клубокъ велъ его различными путями: то лѣсомъ, то степью, то полями.

Мать Всеслава растерялась. Нѣсколько дней ожидала она возвращенія сына, и это такъ ее разстроило, что она лишилась аппетита и сна. Но благочестіе и вѣра въ Бога не оставили ее и въ скорбныя минуты жизни. Она приказала запречь колымагу и отправилась къ одному извѣстному въ то время благочестивому мужу за совѣтомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ обладалъ даромъ прозорливости.

— Что, дочь моя, зачѣмъ явилась ко мнѣ? спросилъ онъ Наталью.

Наталья разсказала все, что случилось послѣ отъѣзда Громобоя, то есть, что пропалъ ея сынъ и она боится за жизнь его.

— Не бойся, дочь моя, за жизнь его, а бойся за душу.

— Я не понимаю тебя, святой отецъ.

— Молись за него, да укрѣпитъ его Господь. Молись за него... его душа колеблется, обуреваемая врагомъ рода человѣческаго. Молись и къ молитвамъ твоимъ да приложатся молитвы друзей нашихъ.

— Такъ будетъ ли живъ онъ, святой отецъ?

— Молись! молись! молись! время дорого. Пойди домой, съ Богомъ, и молись Ему... Молись! молись! молись!

Не понимая такихъ краткихъ словъ старца и въ то же время видя въ его словахъ какое-то понужденіе основанное на близкой опасности, угрожающей любимому сыну. Наталья бросилась вонъ изъ кельи старца и поѣхала домой, гдѣ въ образной постоянно молилась нѣсколько дней, употребляя постную пищу, и то въ необходимомъ количествѣ. Слуги удивлялись на свою боярыню, но никто не смѣлъ спросить о томъ, впрочемъ весьма справедливо предполагая, что вѣроятно причиною тому утѣшеніе въ тоскѣ по близкимъ сердцу.

Совсѣмъ не такъ было съ Громобоемъ. Сильный витязь, въ бронѣ позлащенной и въ серебряной кольчугѣ, со своимъ вѣрнымъ оруженосцемъ, мчался по дорогѣ, съ сердцемъ полнымъ радости отъ близкаго свиданія съ своими избавителями и съ отрадною мыслью надежды обрадовать ихъ своимъ богатымъ

приношеніемъ. Казалось кони, ихъ также раздѣляли съ ними удовольствіе и сами торопились достичь скорѣе той поляны и того разрушеннаго зданія, подъ которымъ скрываются люди, отказавшіеся отъ шумнаго свѣта для познанія и поклоненія свѣта истины.

Весьма мало останавливаясь въ дорогѣ, и то для корма своихъ лошадей, они довольно скоро достигли поляны, въ которой жилъ пустынникъ Предиславъ.

Каково же было удивленіе обоихъ, когда лишь соскочивъ съ коней, они увидѣли идущихъ къ нимъ навстрѣчу двѣнадцать пустынниковъ съ зажженными свѣчами. Они всѣ были облечены въ черныя рясы, съ не покрытыми головами, бѣлые ихъ власы развѣвались по вѣтру; но чистыя, блѣдныя ихъ лица сіяли радостнымъ неземнымъ блаженствомъ. Босыя ноги, обнаженныя главы, скромная одежда, опоясанная простыми ремнями, нисколько не лишала ихъ достойнаго почтенія.

Подойдя къ Громобою, они сказали:

— Да благословитъ тебя Господь, братъ нашъ, и да умножитъ твое счастіе и спасетъ тебя отъ напастей, за твое намѣреніе.

— Какъ, неужели вамъ извѣстно было, святые мужи, что я къ вамъ ѣду?

— Да... отвѣчали они. Привяжите коней вашихъ и идите къ намъ за трапезу. Всѣ вступили въ хижину пустынника Предислава и расположились вокругъ камня, гдѣ были сухія овощи, хлѣбъ и чистая, пріятная вода. Загасивъ свѣчи и помолясь, сѣли они за этотъ столъ и Громобой вкусилъ знакомаго, но уже давно забытаго блюда, съ такою пріятностію, какъ будто то былъ лучшій новгородскій обѣдъ, которымъ онъ зачастую угощалъ посадника и знатныхъ новгородцевъ.

Баска, его слуга, также не могъ надивиться отчего такая скудная пища могла имѣть такой вкусъ. Но скромность не позволяла допускать такихъ вопросовъ.

Когда столъ отшельниковъ былъ оконченъ, тогда всѣ вставъ поблагодарили Бога и обратясь къ Предиславу, сказали:

— Братъ, Предиславъ! ты всѣхъ насъ моложе, сослужи службу намъ и нашему брату, Громобою.

— Знаю, братіе, что это надо совершить и сейчасъ же исполню. Старцы расположились отдыхать, а Предиславъ, вынувъ изъ угла своего шалаша военные доспѣхи, началъ ихъ на себя надѣвать.

— Что ты дѣлаешь, отецъ Предиславъ? спросилъ его Громобой.

DAMAGED PAGE(S)

— Да вотъ хочу попробовать, въ пору ли мнѣ эти доспѣхи и придутся ли по старымъ костямъ, отвѣчалъ онъ шутя.

— Да къ чему же это?

— Къ тому, что не пригоже было бы пустыннику сидѣть на конѣ, а воину всегда не стыдно.

— А куда ты хочешь ѣхать?

— Это дѣло мое, а если ты желаешь узнать, такъ проводи меня.

— Съ большой охотою и если у тебя нѣтъ лошади, то поѣзжай на любой изъ нашихъ, только нужно дать имъ отдохнуть и покормить нѣсколько.

— Нѣтъ, этого ждать нечего, ты лучше прежде всего напой ихъ изъ этого источника, онъ облегчаетъ чудесимымъ свойствомъ питательности, такъ что эти лошади могутъ быть три дня сыты и пробѣжать въ часъ столько же сколько прежде въ день.

Громобою оставалось вѣрить и повиноваться.

Баска напоилъ лошадей, которые съ удовольствіемъ пили эту воду, и самъ замѣтилъ, какъ они бодро и весело стояли, готовые въ новый путь. Громобой помогъ между тѣмъ Предиславу надѣть доспѣхи и богатырскій шлемъ, только ноги его были босы. Громобой предложилъ ему свою обувь, а самъ на-

дѣлъ обувь слуги своего, вскочилъ на лошадь и приказалъ Баскѣ подсадить старца, держа подъ уздцы лошадь слуги.

— Нѣтъ, сказалъ важно Предиславъ, я самъ былъ богатырь и коль скоро услышали мои плечи тяжесть брони и мой мечъ-кладенецъ, то во мнѣ ты неузнаешь пустынника. Въ самомъ дѣлѣ, богатая броня, золоченный шлемъ и огромный мечь совершенно измѣнили старца, и только постное лицо да длинная сѣдая борода измѣняли бравому виду рыцаря и при этихъ словахъ старый Предиславъ вскочилъ такъ же ловко на коня, какъ молодой человѣкъ, сказалъ: Вотъ и я витязь, но въ послѣдній разъ.

— Въ дорогу! время нечего терять, Громобой! и витязи помчались такъ быстро, что въ глазахъ ихъ какъ молніи, менькали лѣса, деревни, села, долы...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Всеславъ у Лютобора. Искушеніе. Смертъ Лютобора.

Припомнимъ, что Всеславъ стукнулъ въ дверь пещеры съ робостью, которую внушало не жилище, а цѣль прихода.

— Кто тамъ? спросилъ изнутри голосъ.

— Я, Всеславъ, сынъ Громобоя.

Дверь отворилась и темная пещера, освѣщенная краснымъ факеломъ, представилась его взорамъ.

Не высокаго роста старикъ освѣщалъ дорогу впередъ. Всеславъ пошелъ за нимъ, не считая нужнымъ затворить двери.

Внутренность пещеры скорѣе представляла узкое земляное ущелье, чѣмъ правильную работу человѣка; она тянулась извилистыми переходами, то вправо, то влѣво и не давала никакого повода идущему незнакомцу къ догадкѣ, что ожидаетъ его впереди. Всеслава это тревожило, но дѣлать было нечего, отступать и бѣжать не было въ правилахъ русскаго витязя, хотя это помѣщеніе не было похоже на избушку старой карги, которая его снабдила приворотнымъ снадобьемъ. Ему даже пришло на умъ, что старикъ ведетъ его прямо въ адъ. Его бросало то въ жаръ, то въ холодный потъ, и дрожь не безъ основанія пробирала его до костей, и отъ страха, и отъ того. что было очень холодно.

Пройдя огромное пространство, старикъ привелъ его въ одно изъ громадныхъ по обширности помѣщеній подземелья, гдѣ все представившееся ему привело въ ужасъ. Это была цѣлая лабораторія.

На самомъ видномъ мѣстѣ этого подземнаго покоя. стоялъ огромный столъ, на которомъ лежалъ обезображенный человѣческій трупъ; множество различныхъ горшковъ съ жидкостями были разставлены на полу и на полкахъ. Въ углу стояла глиняная печь, въ которой пылалъ огонь и дымъ изъ этой печи, лѣниво разстилаясь по потолку, куда-то уносился. На стѣнахъ также висѣли различные трупы людей и животныхъ. Въ другомъ углу было множество травъ, кореньевъ и прочаго. Нѣсколько скамеекъ еловыхъ были разставлены въ различныхъ положеніяхъ. По полу валялись кости и всякая нечистота, а также текла кровь.

— Что это такое? здѣсь видно бойня. Туда ли меня завелъ мой клубокъ. Но клубокъ лежалъ у ногъ его. Тогда Всеславъ взглянулъ на лицо своего вожаки и вздрогнулъ.

Предъ нимъ стоялъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ черною бородою и усами; длинные волосы его ниспадали ниже плечь. На немъ была черная длинная одежда, подпоясанная простою веревкою. Длинные пальцы были какъ бы изогнуты отъ длины искривившихся ногтей. Но лицо—это верхъ всякой отвратительности: рябое морщинистое съ носомъ, напоминающимъ клювъ хищной птицы и искривленными губами, оно поражало

каждаго, кто въ первые встрѣчалъ его, потому что на это лицо нельзя было глядѣть вторично.

— Ты ко мнѣ зачѣмъ? спросилъ онъ у Всеслава.

— Меня привелъ сюда клубокъ, данный мнѣ новгородской колдуньей, чтобъ получить отъ тебя снадобья.

— Какого?

— Такого, который бы могъ обратить ко мнѣ Свѣтлану, которую я люблю и которая меня ненавидитъ.

— Вотъ што!... Такъ тебѣ хочется, чтобы тебя любили всѣ тѣ, которые тебѣ понравятся... ха! ха! ха! и старикъ расхохотался, какъ сумасшедшій, въ такомъ мѣстѣ, который скорѣе походитъ на могилу.

— Нѣтъ! сказалъ послѣ умолкнувшаго хохота Всеславъ; я люблю одну только и другихъ не преслѣдую.

— Да вѣдь у ней уже есть женихъ и скоро будетъ свадьба. Отбивать чужихъ дѣвушекъ не ладно! и старикъ опять захохоталъ.

Горе взяло благородное сердце Всеслава.

— Да что же ты смѣешься, старикъ? Если не можешь, такъ и говори, вѣдь мнѣ не вѣкъ нюхать всю эту дрянь, которая такъ и лезетъ въ носъ и въ ротъ.

— Привыкай ко всему! и опять новый хохотъ.

— Да что же ты издѣваешься надо мною! Я шутить не люблю! и Всеславъ схватился за рукоять меча. Ты, стало быть, ничего не можешь?

— Извини, Всеславъ! меча твоего я не боюсь; онъ хуже лучинки.... богатырь мой, пряничный, и опять визгливый хохотъ раздался какимъ-то рикошетомъ по всѣмъ переходамъ подземелья.

— Ахъ, ты, гадкій старикашка! вскричалъ Всеславъ и выхватилъ въ мгновеніе мечь занесъ надъ головою старика, но лишь только хотѣлъ его со всею силою могучей руки опустить на голову, какъ мечь еще въ воздухѣ треснулъ и разсыпался въ стальную пыль, и только одинъ клинокъ остался въ рукѣ молодаго богатыря.

Раздался снова хохотъ старика.

— Что взялъ, могучій богатырь! Вотъ ты говоришь, я ничего не могу сдѣлать; нѣтъ, все могу. Вотъ посмотри сюда, сказалъ онъ, подводя къ столу. Видишь, вотъ изъ сердца человѣческаго я могу сдѣлать то, что ты увидишь человѣка, какого тебѣ хочется, вотъ хоть бы Свѣтлану, а вотъ этотъ кусокъ у меня идетъ на то, что я могу кого угодно

превратить въ звѣря, въ птицу, или въ гада; а вотъ эта самая важная для меня вещь...

— Будетъ, будетъ... Ты лучше мнѣ поскорѣе окажи ту помощь, которой я у тебя прошу, и для которой я сюда пріѣхалъ.

— Можно, можно, что тебя томить по напрасну, изволь. А сколько ты мнѣ дашь за это?

— Вотъ эту кису съ золотомъ, сказалъ Всеславъ, указавъ на привязанный къ поясу мѣшокъ.

— У меня этаго добра по горло, да я ему и цѣну позабылъ, нѣтъ ли чего по цѣннѣе?

— Нѣтъ при мнѣ; но что же тебѣ нужно цѣннаго? Жемчуга, изумрудовъ, бархату?... говори чего, все найду, привезу и отдамъ.

— Мнѣ стоитъ только захотѣть и все это явится сію минуту, но опять мнѣ этаго не нужно, я старикъ, щеголять не привыкъ! старикъ закатился хохотомъ.

— Можетъ быть тебѣ нужно хорошую лошадь? Я тебѣ достану отличнаго аргамака.

— Куда мнѣ ѣздить. Што ты, шутишь что ли?

— Такъ чего же тебѣ?

— Поищи у себя, нѣтъ ли чего такого, что тебѣ самому дорого?

Всеславъ посмотрѣлъ вокругъ себя, но не нашелъ ничего.

— Ха! ха! ха!... Неужели ты не знаешь, что для тебя всего дороже?

— Свѣтлана! но я не хочу отдать, когда хочу обладать ею.

— Нѣтъ, есть предметы, которые людямъ дороже Свѣтланы.

— Дороже Свѣтланы для меня сейчасъ нѣтъ ничего на свѣтѣ, я ее люблю; правда я люблю родителей, но она вызвана родствомъ уважаю, глубоко цѣню.

— Мнѣ не нужно твоихъ родителей.

— Послѣ этого я не понимаю, чего ты отъ меня просишь за Свѣтлану.

— Такъ ты недогадываешься? Я прошу твоей души.

— Души!? Но какъ же я ее отдамъ тебѣ, если я умру, такъ на чтожъ мнѣ Свѣтлана?

— Глупецъ! мнѣ она нужна тогда, когда ты умрешь. Вѣдь придется же умирать когда-нибудь, вотъ мы тогда ее себѣ и возьмемъ.

— Но кто же ты самъ?

— Я? Лютоборъ.

Всеславъ затрясся отъ этого грознаго имени, повсюду слышимаго съ ужасомъ.

— Нѣтъ, я не отдамъ души, нѣтъ ли чего полегче?

— Ну, такъ нѣтъ тебѣ ничего! Ступай, это я тебѣ дѣлаю снисхожденіе, а то ты можешь быть мною запертъ до смерти, все равно также, какъ твоя мать, которая по моей милости сидѣла триста лѣтъ въ стѣнѣ.

— Да помоги же мнѣ въ моей бѣдѣ.

— Отдай душу... какъ хочешь, Всеславъ я мстителенъ и ты не уйдешь отъ меня безъ этого. Пожалуй, хоть ступай, но воротишься, любовь къ Свѣтланѣ ты получилъ отъ меня, что она влюблена въ другаго — сдѣлалъ я, что она ненавидитъ тебя, это сдѣлалъ я.

— Къ чему же ведетъ это мщенье? спросилъ Всеславъ, въ какомъ-то отупѣніи.

— Къ чему? чтобы удовлетворить Вельзевула, который золъ на отца твоего, за его несправедливость.

— Развѣ несправедливость можетъ быть противъ демона?

— И большая... онъ за свою душу получилъ себѣ твою мать; и долженъ былъ душу отдать въ свое время, а онъ рукописаніе насильно выхватилъ у дьявола. Развѣ такъ бываетъ? Ну, да что объ этомъ, чтобы тебѣ даромъ не терять время, вотъ тебѣ пергаментъ, а вотъ перо—пиши.

— Что же я буду писать? спрашивалъ Всеславъ, въ растерянности; причемъ глаза

его горѣли, ноздри раздувались, сердце билось, щеки пылали розовымъ румянцемъ.

--- Я тебѣ скажу что.

--- Нѣтъ, это не шутки, это противно религіи.

--- Ну, такъ никогда не увидишь Свѣтланы, а если сдѣлаешь по моему, сама придетъ, мало того, будетъ просить тебя, умолять, чтобы ты ей простилъ ея жестокость, жертвовать собою... Эдакое блаженство!... Да мало того, что тебѣ до души? развѣ ты въ жизни не согрѣшишь, все-таки согрѣшишь, да потомъ доживешь спокойно до 70 лѣтъ, а тамъ што?... Самому жизнь станетъ въ тягость, что изъ тебя выйдетъ? мѣшокъ костей... Полно, рѣшайся, поживешь счастливо по крайней мѣрѣ, вѣдь кто не умираетъ, никто не скажетъ, что онъ праведенъ. Старикъ совалъ ему въ руку перо.

Всеславъ пришелъ въ крайнюю степень отупѣнія, онъ, по примѣру отца, пришелъ въ такое состояніе разсудка, что позабылъ все въ мірѣ и Вѣру, и Надежду, и Любовь въ Бога для него все пропало; какъ бы подернутое завѣсой осталась одна Свѣтлана.

--- Чѣмъ писать?

--- Кровью, вотъ тебѣ ножъ, разрѣжь не много палецъ и пиши.

Всеславъ взялъ ножъ и занесъ уже...

— Несчастный! что ты дѣлаешь? вскричалъ вбѣжавшій въ это время Громобой и, ввыхвативъ изъ его руки ножъ, отбросилъ въ сторону, а самъ, схватя его въ охапку и близъ горѣвшій факелъ, побѣжалъ съ нимъ обратно изъ подземелья. Молодой человѣкъ отъ разнородныхъ чувствъ пришелъ въ обморокъ.

— Извергъ рода христіанскаго и человѣческаго во имя Бога Святаго и предвѣчнаго Сущаго во Святой Троицѣ умри!...громовымъ голосомъ вскричалъ Предиславъ, вошедшій въ слѣдъ за Громобоемъ.

— А! это ты! все ты преслѣдуешь меня своими грозными молитвами. Счастье твое, что ты имѣешь такой мечь, а тобы я пожилалъ и погубилъ много народа во славу Чернобога и Лютоборъ палъ изрубленный въ куски огромнымъ мечемъ пустынника.

Пустынникъ зажегъ свѣчу и возвратился вслѣдъ за Громобоемъ, творя святыя молитвы.

Отецъ, держа сына своего Всеслава все еще въ состояніи обморока во все время ихъ дороги ѣхалъ рядомъ съ пустынникомъ. Громобой благословлялъ имя Предислава и вовсей братіи, какъ вдругъ услышалъ сильный трескъ, шумъ и какъ будто стонъ съ той стороны откуда они ѣхали.

— Что это такое! спросилъ Громомой.

— Провалилось то мѣсто, гдѣ мы сейчасъ были.

— Отчего?

— Оттого, что его не можетъ по его злодѣяніямъ держать мать сыра земля, этотъ злодѣй язычникъ поклонникъ черно-бога; (*) силою чаръ своихъ онъ жилъ до четыреста лѣтъ и всячески старался привлекать народъ къ почитанію дьявола.

Лишь только возвратились въ пустыню отшельниковъ, то молодого человѣка спрыснули изъ источника водою и онъ очнулся.

— Гдѣ я? спросилъ онъ.

— Ты у своихъ избавителей отвѣчалъ Громобой.

— Чистый воздухъ, ясное небо мелодическое журчаніе источника, пѣніе птицъ, свѣтлыя лица пустынниковъ. все это увидѣло еще непришедшаго въ себя, какъ слѣдуетъ Всеслава.

Но когда онъ пришелъ въ себя то Громобой приказалъ ему благодарить, всѣхъ старцевъ за участіе въ спасеніи отца и его.

Не насъ благодари, а Бога и никогда не унывай и непредавайся отчаянію, когда лукавый искушаетъ тебя. Пойдемте и возблагодаримъ Господа за то, что онъ оказалъ величіе и си-

(*) У Славянъ язычниковъ, черто-богъ все тотъ же дьяволъ, которому для умилостивленія приносили людей въ жертву.

лу свою чрезъ нашъ грѣшныхъ надъ отцомъ твоимъ и надъ тобою.

Въ это время пустынникъ Предиславъ снявъ съ себя ратные доспѣхи и обувь облачився въ свой пустынническій нарядъ, сказалъ, отдавая обувь слугѣ:

— Возьми, братъ твою обувь, послѣдній разъ надѣвалъ я ее. А доспѣхи шлемъ и мечь подавъ Всеславу, прибавилъ:

— Мнѣ нѣтъ болѣе нужды носить эту прекрасную броню, дарю тебѣ Всеславъ. Пусть она защищаетъ твое сердце отъ пагубныхъ страстей, а этотъ шлемъ охраняетъ твой разумъ отъ помраченія, а сей достойный мечъ бьетъ по прежнему враговъ христіанства, помни и дорожи имъ потому что эти ратные доспѣхи были смыты въ водѣ купели, въ которой крестилась премудрая княгиня Ольга и дѣдъ мой и окроплены рукою Патріарха.

Вслѣдъ за тѣмъ всѣ сошли въ подземелье и совершили молитву, а за тѣмъ приступили къ бесѣдѣ.

— Слушай Громобой началъ старшій изъ пустынниковъ. Твой сынъ чуть нелишился по своей страсти благословенія Господня. Какъ не велика страсть эта, но онъ должна быть покорена разсудкомъ и если она не достаточна имъ управляетъ, то не самовольно долженъ поступать, а испрашивать совѣта своихъ ро-

дителей. Слѣдовательно онъ виноватъ противъ Бога и родителей, но если же онъ былъ избавленъ, тоявно что Господь простилъ его такъ прости-жъ его и ты и завтра, чѣмъ свѣтъ, ты принимайся заисполненіе намѣренія, а его отпусти съ своимъ вѣрнымъ служителемъ Баской, пусть онъ обрадуетъ мать, а потомъ пусть поѣдетъ съ нимъ къ славному къ морю Хвалынскому. На славномъ море на хвалынскомъ есть островъ Буянъ, а на островѣ томъ на Вунѣ есть семь сестрицъ красныхъ дѣвицъ пусть онъ ихъ выручитъ:....вотъ какъ онъ ихъ выручитъ, тогда онъ и оправдаетъ себя и искупитъ предъ Богомъ вину свою.

Громобой поклонился въ знакъ согласія и промолвилъ. Все содѣянное мнѣ и сыну моему выше всякой моей благодарности, Нѣтъ словъ для выраженія ихъ; только одна усердная молитва къ Богу двухъ раскаявшихся грѣшниковъ можетъ быть нѣсколько цѣнима.

— Намъ въ нашей старости болѣе ничего и не надобно, добрый Громобой. Обитель, которую ты хочешь устроить для насъ не надолго скроетъ нашу старость; но да пусть она будетъ пріютомъ тѣхъ многихъ, которые будутъ искать въ молитвѣ и уединеніи земнаго утѣшенія и вѣчнаго спасенія.

Утромъ, чуть забрежжила денница, какъ молодой витязь облеченный въ ратные доспѣхи

Предислава и въ сопровожденіи слуги Баски помчались въ Новгородъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Смерть вѣдьмы. Поѣздка на Хвалынское море. Замокъ Лютобора. Семь морскихъ красавицъ.

Пріѣхали; богатырскіе кони весело заржали у богатаго терема Громобоя,

— Кто тамъ? вскричала радостно Натальяя взглянувъ въ окно на улицу; но заплаканны. глаза ея сквозь слезъ не могли ничего видѣть

— Боярыня! пріѣхалъ молодой бояринъ Всеславъ, радостно донесъ дворецкій, вбѣжавъ въ приспѣшную, куда вышла Наталья.

Наталья едва могла устоять на ногахъ отъ волненія, но ее поддержалъ вошедшій Всеславъ, который тотчасъ же брасился предъ нею на колени;

— Простите матушка!

— Прощаю сынъ мой! прощаю за то одно, что ты возвратился и удалилъ печаль, которая меня бы вогнала въ гробъ.

Послѣ первыхъ изліяній родственныхъ ласкъ сынъ передалъ матери всѣ подробности своей любви, своего поступка, къ которому его при-

нуждалъ Лютоборъ, пораженіе Лютобора и счастливое свое спасеніе. Мать слушала и крестилась за это новое оказанное чрезъ пустынниковъ Господомъ милосердіе. Благодарила и за то еще, что Господь сохранилъ здаровье мужа и въ такихъ бѣседахъ протекли нѣсколько часовъ.

— Ну, а теперь ты еще любишь Свѣтлану по прежнему?

— Нѣтъ. Я также къ ней равнодушенъ, какъ и къ прочимъ. Я вижу что тутъ козни врага нашего Лютобора. Я совершенно остылъ послѣ его пораженія.

— Правда ли это сынъ мой?

— Клянусь вамъ матушка.

Въ самомъ дѣлѣ на душѣ молодаго Всеслава опять стало весело и привольно, какъ и въ прежніе дни; мысль о Божіемъ милосердіи счастливо и во время оказавшемъ спасеніи его изъ рукъ демона, чаще вспадала ему наумъ; любовь къ Свѣтланѣ было уже теперь только однимъ воспоминаніемъ безъ всякихъ слѣдовъ, того чада который наполнялъ его голову и тривожилъ сердце.

На утро другаго дня мать отпустила его съ благословеніемъ на новый подвигъ, вручивъ ему складень, который онъ укрѣпилъ на своихъ латахъ. Мать теперь вѣрила, что молитвами пустынниковъ, онъ будетъ сохраненъ и при

томъ также надѣялась, что храбрый и вѣрный оруженосецъ Баска, извѣстный своею храбростью употребитъ всѣ мѣры къ защитѣ своего витязя и господина.

Витязь проѣхалъ мимо оконъ своей милой Свѣтланы и хотя равнодушный теперь изъ любопытства посмотрѣлъ въ окно и чтоже: Свѣтлана противъ ожиданія показалась ему обыкновенною дѣвушкою безъ особенной красоты которая могла бы плѣнить его такъ страстно. Что за чудо подумалъ онъ. Къ чему были всѣ мои стремленія О! очарованіе! Какая пагуба она для сердца и души. Всеславъ на божно перекрестился и помчался къ перевозу.

Замѣтимъ мимоходомъ, что очарованіе рушилось, такъ какъ было оно кознями Лотобоъ ра, между Свѣтланою и молодымъ ея другом котораго она считала уже женихомъ. Ни он ъ ей ни она ему нестали нравиться въ той степени, какъ было это прежде и свободно разошлись безъ взаимныхъ притязаній тогда, когда уже сердца ихъ безъ согласія родителей внушали разсудку помраченному страстью нарушить то, что считается святымъ и неприкосновеннымъ безъ благословенія свыше и мѣсто страсти смѣнило тихое раскаяніе у того и другаго.

— Стой, Баска! успѣешъ еще переѣхать чрезъ Волховъ поѣдемъ сперва къ той старухѣ которая живетъ въ той лачугѣ.

— Да вѣдь это мой господинъ хижина колдуньи.

— Ну, такъ чтожъ, что колдуньи? поѣдемъ, не бойся!....

— Бояться то што, а все страшно; сами посудите, вѣдь эта вѣдьма съ нечистой силой водится; вдругъ какую нибуть шишигу внутро посадитъ и неоглянешся.

— Полно врать вѣрь только Божьему могуществу и его милосердію; равному Богу нѣтъ никого, а развѣ человѣкъ можетъ что нибудь сдѣлать.

— Да все грѣхъ, господинъ мой! Вотъ утебя на груди благословеніе матушки Натальи, а съ нимъ пойдете къ такой погани.

— Это умный совѣтъ. при этомъ Всеславъ отстегнулъ складень отъ передней латы и подалъ слугѣ.

— На это, пока я буду съ ней говорить, это недолго и вскочивъ съ коня, передалъ его Баскѣ.

— Баска крестился и чурался когда подъѣзжали къ колдуньѣ. Дѣйствительно въ народѣ шло пронее много толковъ, и всѣ боялись ее хотя давно хотѣли ее убить.

Безстрашный, какъ и всегда Всеславъ вошелъ въ избу, теперь веселый и довольный.

Старуха посмотрѣла на него.

— Ну ка раскинь меня на бобахъ, да я съ тобой расчитаюсь. Славный ты мнѣ совѣтъ подала такой совѣтъ, что я достигъ того, чего и не чаялъ.

— Веселъ то ты веселъ бояринъ да необманываешъ ли меня? сказала колдунья съ недовѣрчивостью.

— Ну вотъ еще....ты посмотри видишь сколько золота, половина твоя; я люблю награждать за услугу. Ну ка погадай. И при этомъ Всеславъ ударилъ по кисѣ висѣвшей у него съ боку.

Старуха вздохнула, но не посмѣла уже противорѣчить. Она раскинула свои бобы и начала метать постолу. Вдругъ руки ея затряслись, глаза засверкали дикимъ огнемъ и губы искривились, наконецъ судороги совершенно исковеркали ее.

— Ахъ! смерть моя, вскричала она заскрежетавъ зубами.

Всеславъ обножилъ мечь.

— Видишь ли ты демонское исчадье этотъ мечь? кого поразилъ онъ?

— Не губи меня! вскричала старуха упавъ наколени и желая обвить руками, его ноги.

— Пошла ты вѣдьма, буду ли я марать этотъ мечь поганой кровью. При этомъ Всеславъ взглянулъ на клинокъ меча и увидѣлъ на немъ нѣсколько капель крови.

— Вотъ видишь ли эту запекшуюся кровь узнай чья она?

— О, это кровь злодѣя Лютобора.

— Такъ слижи же ее несчастная. Я нехочу марать руки свои объ эту дрянь.

— Не могу.

— Я хочу.

— Ты стало быть хочешь моей смерти?, спросила старуха?

— Если не слижешь съ клинка этой дряни, то я тебя поражу этимъ мечемъ.

— Такъ лучше рази меня, чѣмъ страдать мнѣ, говорила совершенно обезумѣвшая старуха и при этомъ глаза ея налились кровью, губы ея и прочія ч сти тѣла судорожно передергивало, члены тряслись.

— Если губить тебя мечемъ, мнѣ опять нужно освящать его, такъ какъ мнѣ предстоитъ святое дѣло. Скорѣе! Не все ли равно, если я сейчасъ предамъ тебя новгородскому управленію и тебя предадутъ медленнымъ пыткамъ, истязаніямъ и проклятіямъ.

— Хорошо! если ты того хочешь давай.... сказала съ бѣшенствомъ злая женщина въ которой наконецъ обнаружилось все притвор-

ство ея злой души. Всеславъ держалъ мечь за рукоять, вѣдьма, схватя его за обоюду-острый клинокъ, рѣзалась и слизывала, какъ животное, капли запекшейся крови.

— Ну, доволенъ ли ты, Всеславъ? Доволенъ ли ты? дово...во...ленъ ли... и страшная колдунья захохотала до того дико и громко, при томъ такъ продолжительно, что на губахъ ея показалась желтая цѣна. Всеславъ попятился къ дверямъ. Лошади зафыркали внѣ хижины.

— Ой, страшно!... ой, умираю!... нѣтъ спасенья... нѣтъ... ухъ!... некому мнѣ молиться... нѣтъ! отвратились всѣ... а вотъ и адъ... Судорови сжали ей губы, члены вытянулись, что-то въ видѣ синяго огонька показалось у ея рта и померкло.

Всеславъ поторопился выдти. Ему душило грудь.

— Что, бояринъ, долго запропостились у старой вѣдьмы? Да какъ это вы не боитесь?

— Ты посмотри-ка на нее, она уже издохла.

--- Ну да! издохнетъ развѣ когда-нибудь эта тварь, замѣтилъ Баска.

--- Погляди.

--- Глаза вамъ отвела. Поглядите, какъ оживетъ, еще клинъ осиновый понапобится.

— Да слѣзь съ коня, да и посмотри.

— Инъ-такъ и быть, и Баска, соскочивъ съ коня, посмотрѣлъ въ щель между дверями, не забывши зачураться.

— И впрямь, што-то похоже, рожа вся почернѣла... Вотъ, поди-ка, бѣси-то радуются, сказалъ садившійся въ сѣдло Баска.

Оба всадника переѣхали чрезъ Волховъ, гдѣ Всеславъ не забылъ омыть свой мечь.

Теперь не будетъ вредить Новгороду эта злая вѣдьма, думалъ онъ.

Путь былъ ъалекъ и труденъ, на который посвятилъ себя Всеславъ, но онъ зналъ, что былъ родъ покаянія, которое было наложено на него, чтобы онъ чувствовалъ и помнилъ великость прегрѣшенія, которое онъ хотѣлъ совершить и Всеславъ сознавалъ это.

Ему приходилось проѣзжать съ своимъ оруженосцемъ громадныя лѣса съ необозримыми болотами, которыя были многимъ недоступны, переплывать рѣки, и наконецъ, что всего неснотнѣе, проѣзжать чуждыя области, принадлежащія дикимъ народамъ, живущимъ грабежемъ и разбоями. Но отличное вооруженіе, сила и ловкость двухъ всадниковъ, а главное—благословеніе п молитвы, за нихъ возносимые къ Богу, дѣлали ихъ неизъязвимыми въ битвахъ, и они громили цѣлыя толпы кочующихъ племенъ.

Бури и непогоды не страшили ихъ; они шли смѣло и вѣрно къ своей цѣли, хотя претерпѣвали на пути всякаго рода лишенія и препятствія.

--- Впередъ! впередъ! мой товарищъ, говорилъ, ободряя Баску, Всеславъ.

--- Такъ нѣшто ракомъ пятить, знамо впередъ, шутилъ неустрашимый оруженосецъ, посматривая зорко по сторонамъ, чтобы какой-нибудь засѣвшій Печенѣгъ, Болгаръ или Коцаръ, чрезъ земли которыхъ приходилось проѣзжать, не пустилъ свою мѣткую стрѣлу или дротикъ.

Вотъ уже пошли и необозримыя степи, покрытыя ковылемъ, бурьяномъ и другими растеніями, въ ростъ человѣка, необозримыя степи Моздовскія, гдѣ еще въ то время водились и тигры, и косяки дикихъ лошадей.

--- Все проѣхали они они и наконецъ подъѣхали къ славному морю Хвалынскому.

Ѣдутъ вдоль берега славные богатыри, славные не побѣдами, но терпѣніемъ, и смотрятъ въ далекое море, гдѣ бы увидѣть имъ островъ Буянъ.

Долго ѣздили они вдоль береговъ, а острова не нашли; сторона незнакомая, еретическая и пустынная, да не у кого и спросить по русски, если кто и встрѣтится, такъ какой-нибудь некрещеный. Всетлава взяло сомнѣнье. Правду

ли сказали отшельники? Можетъ быть не хотѣли ли только испытать меня въ храбрости или поучить нуждѣ и трудностямъ воинскихъ переходовъ и даже подѣлился въ этомъ съ Баской.

— Э, полно, господинъ мой, такъ говорить объ отшельникахъ, отвѣчалъ Баска. поджаривая на разведенномъ кострѣ только-что застрѣленную птицу. Мало ли чего бы мы хотѣли, да дѣло-то по нашему не дѣлается, всякому началу есть свой часъ.

Былъ вечеръ и потому усталые путники закусивши полусырымъ мясомъ птицы, легли на траву, прикрывшись наскоро камышевымъ навѣсомъ. Богатырскій сонъ тѣмъ и крѣпокъ, что онъ вызванъ необходимостью и устанкомъ, а потому оба скоро заснули и Всеславъ видитъ. одного изъ отшельниковъ, который говоритъ:

— Напрасно ты думаешь, что мы тебя обманываемъ. Вовсе нѣтъ! Ты самъ не туда отправился тебѣ нужно по берегу взять вправо, а ты пустился влѣво. Воротись и увидишь островъ, а тамъ стоитъ высокая башня, ее видно съ берега, не падай духомъ, время подвига близко.

Всеславп, проснувшись, передалъ свой дивный сонъ Баскѣ.

— Вчдь вотъ я такъ тебѣ и говорилъ, господинъ мой, что нужно вѣрить правдѣ вѣр-

ныхъ сподвижниковъ. Зачѣмъ невѣрить имъ, когда они спасли тебя отъ погибели. Ѣдемъ же, не мтшкая, лошади сыты и бодры, погода хорошая и на морѣ тихо.

Въ самомъ дѣлѣ, проѣхавъ нѣсклько верстъ въ противную сторону берега, они замѣтили вдали, что-то чернѣющееся на прозрачной синевѣ моря. Вотъ должно быть и островъ Вуянъ, видишь ли, мой витязь.

--- Вижу, былъ отвѣтъ Всеслава, и сердце его забилось отъ невѣдомаго чувства.

Подъѣхали ближе. Островъ былъ необширенъ, Но слишкомъ далеко отъ берега, на которомъ они стояли, чтобы имъ пуститься вплавь, притомъ имъ нельзя было оставить доспѣховъ которые имъ было вомногихъ случаяхъ нуж-, ны, быть можетъ для сильнаго рѣшительнаго боя, и этимъ болѣе оправдывало мнѣніе, что на островѣ было зданіе съ башней, что внушало о владѣльцѣ его хорошее мнѣніе относительно богатства и знатности.

Витязи оставались въ недоумѣніи что было имъ дѣлать и съ чего начать.

— Ба! да вотъ что мой добрый господинъ я вижу тамъ лодку, да не одну. Взглянись на берегъ, вотъ ихъ зыблитъ водою.

— Да, и я вижу, отвѣчалъ на замѣчаніе Баски Всеславъ, однакоже, если тамъ есть

шкуи и ладьи, то здѣсь ихъ нѣтъ, чтобы туда добраться.

— Это ничего. Погоди бояринъ. Я въ ребячествѣ научился устараго рыбака плести лодки изъ камыша и бывало въ нихъ переплывалъ нашъ бурный Волховъ. Попробую, если память мнѣ неизмѣнила, кажись и теперь это дѣло сдѣлать могу, только не осердцай господинъ мой я буду тебя просить помочь мнѣ рубить камышъ.

— Да развѣ можно ѣхать въ плетюшкѣ? Вѣдъ безъ смолы просочится вода.

— Экая бѣда! мнѣ только бы здѣлать, а тоя все такъ ладно устрою что мы ничего не испортимъ и не замочимъ, хоть десятера садись.

Всеславъ приступилъ къ нарубанію своимъ мечемъ тростника, а Баска началъ плесть корзину съ такимъ проворствомъ которое дѣлало честь любому мастеру Непрошло двухъ часовъ какъ кошница была готова, въ ней могли помѣститься до пяти человѣкъ. Послѣ того онъ взялъ сѣкиру и срубилъ два близь стоящіе дерева и положивъ ихъ въ рядъ крѣпко привязалъ къ нимъ сплетеную корзину. Изъ побочныхъ вѣтвей вырубилъ два весла и оба карабельщика спустили это судно на воду. Корзина дѣйствительно не могла утонуть ни прорваться, потому Баской, приняты всѣ мѣры предосторожности.

Привязавъ лошадей къ дереву, наши герои сѣли въ свою новаго рода лодку и отправились въ путь, управляя судномъ посредствомъ своихъ веселъ.

— Хорошо, мой добрый господине, что погода то по насъ.

— Да, и то правда, а прежде этаго была она не погожа.

Скоро витязи пристали къ острову Буяну и привязявъ свою плавучую корзину арканомъ къ ветвямъ какого то дерева, растущаго на берегу, пошли въ средину острова;

Но прежде, чѣмъ осматривать замокъ они, боясь засады осмотрѣли островъ кругомъ.

Видя что никого не видать и островъ совершенно пустыненъ, путники приступили къ осмотру замка; Замокъ этотъ былъ сложенъ изъ бѣлаго морскаго камня очень высокъ и притомъ съ башней, съ которой видъ моря, какъ съ малная растилася на огромное пространство.

Въ замкѣ было двое воротъ. Витязи подошли къ однимъ изъ воротъ, но они были заперты подошли къ другимъ, тѣ были притворнеы и при слабыхъ усиліяхъ отворились довольно легко.

— Видно замокъ необитаемъ, если хозяева не позаботились запереть его замѣтилъ Всес-

лавъ—Да что же запирать, если на островѣ ни души.

— А лодки то чьи? замѣтилъ Баска.

Обнаживъ мечи на случай окрытой засады, оба воина отправились въ первую попавшуюся дверь съ большаго двора, выложеннаго бѣлою плитою.

Широкая лѣстница ввела ихъ въ мрачную, но роскошную залу; перламутръ, слоновая кость парфиръ и другіе дорогіе предметы мозаичес-ки украшали стѣны и потолокъ. Полъ былъ выстланъ разноцвѣтными мраморами и устланъ персидскимъ ковромъ, посторонамъ были Турецкія софы, все говорило свосточной роскоши изъ оконъ былъ видѣнъ великолѣпный садъ сомножествомъ бьющихся фонтановъ. Нашихъ Новгородцевъ удивляла въ первые эта неслыханная роскошь и одолѣваемые любопытствомъ они пошли далѣе.

Небудемъ описывать всю роскошь убранства, скажемъ только одно, что пройдя множество комнатъ они удивлялись болѣе и болѣе разнообразію и красотѣ ихъ украшеній, и послѣ всего безмолвію и безлюдности.

Обойдя первый этажъ, они вошли въ другой, гдѣ точно также встрѣтили покои не хуже первыхъ и опять ни души. Обойдя кругомъ они опять возвратились на лѣстницу и увидѣли, что она не кончается а идетъ далѣе.

— Это кажется ведетъ на башню?

Можетъ быть и такъ, если не на вышку, замѣтилъ Баска и оба искатели приключеній отправились выше. Поднявшись до конца лѣстницы, они осмотрѣлись вокругъ и съ ужасомъ увидѣли чернаго арапа, который стоялъ и караулилъ дверь съ секирою въ рукахъ.

Всеславъ подошелъ къ нему чтобы воротить дверь, но арапъ, взмахнулъ секарою; быстрѣе молніи Всеславъ отскочилъ въ сторону и секара просвистѣла мимо.

— Экой озорникъ! сказалъ Баска, а вѣдь я думалъ, что это не живая оброзина, а чучало и при этихъ словахъ спутникъ на него сѣкиру; но сѣкира прошла чрезъ его тѣло, непричинивъ никакого вреда.

Между тѣмъ арабъ опять возмахнулъ секирою, оберегая входъ и не сходя съ своево мѣста,

Послушай! ктобъ ты небылъ, но вижу что ты представляешь собою стражу, которой дорована неузвимость; но помни, что этимъ мечемъ былъ убитъ самъ Лютоборъ.

Лютоборъ! вскричалъ Арапъ, Такъ же уже нѣтъ на свѣтѣ и онъ съ крикомъ бросилъ оружіе и хотѣлъ убѣжать; но Всеславъ взмахнулъ своимъ мечемъ и несчастнаго поразилъ всесокрушающій мечь накотораго не могла дѣйствовать враждебная сила.

Всеславъ подошелъ къ двери, чтобы отворить ее; но она была заперта, такъ, что не было возможности отворить ее несмотря на то что на дверяхъ не было замка ни замочной скважины.

Всеславъ ударилъ по нимъ слегка мечомъ и дверь сама собою отворилась. Войдя въ слѣдующую комнату они увидѣли нѣсколько мрачнымъ богатырей въ черныхъ латахъ съ опущеными забралами Витязи въ странныхъ азіатскихъ кальчугахъ закованные сверху до низу стояли стройно и неподвижно; опершись на свои бердоши они, казалось, было не живыми.

— Это что то новое;....Эй храбрые витязи если кто живой? сказалъ Всеславъ кланяясь мрачнымъ богатырямъ, снявъ свой шлемъ. Баска также поклонился.

Безмолвіе было отвѣтомъ.

Всеславъ подошелъ ближе; рыцара не трогались; онъ взялъ одного рыцаря за руку, рука была неподвижпа.

— Да это статуи чего намъ бояться!

— Ну ка, правда ли! и Баска подайдя къ одному изъ крайнихъ неподвижныхъ фигуръ поднялъ забрало и съ ужасомъ отскочилъ отъ него, взглянувъ въ лицо.

— Да это костякъ! это совсѣмъ не живые бояринъ люди.

Между тѣмъ въ этой залѣ имѣвшей круглую форму Всесл-въ усмотрѣлъ лѣстницу. Пойдемъ сюда, Баска! здѣсь ходъ къ верху, увидимъ, что тамъ еще есть Лишь только онъ хотѣлъ отворить дверь, ведущую къ верху, какъ въ залѣ сзади ихъ раздался звукъ мечей и витязи въ мрачныхъ доспѣхахъ подняли мечи стройно сдвинувшись и подойдя къ нашимъ Всеславу и Баскѣ. Баска первый началъ защищаться, но его мечь вовсе не отрожалъ ударовъ, а только извлекалъ искры.

Совсѣмъ не то было со стороны Всеслава: этотъ молодой витязь, обладая отцовской силою и ловкостью вдвое противъ Баски, также не могъ бы достойнымъ образомъ поддержать свою честь если бы ему не помогъ его мечь, обладавшій силою рушить все, что только по падало подъ его ударъ.

Лишь только онъ началъ отражать противниковъ, какъ мечи начали крошиться, доспѣхи и шишаки разсѣкались на двое и мрачные тѣни богатырей падали.

Всеславъ ободренный успѣхомъ сразу покончилъ со всѣми и зала наполнилась убитыми, которые неиздали ни одного слова, ни одного стона.

Баска изъ любопытства поднялъ одного богатыря и онъ былъ такъ легокъ, что онъ подбросилъ къ верху витязя, какъ куклу.

— Вотъ такъ богатырь!... Настоящая ребячья игрушка, смѣялся Баска, и въ самомъ дѣлѣ при тщательномъ разсмотрѣніи они увидѣли, что то были ни что иное, какъ остовы облеченные въ латы и шлемы, но на самомъ дѣлѣ давно истлѣвшіе трупы ихъ оставили по себѣ одни кости.

Покончивъ эту войну съ мертвыми рыцарями, побѣдители поднялись къ верху. И взойдя въ подобный первому второй круглый залъ, они пріятно изумились. Въ роскошно убранномъ залѣ башни сидѣли семь дѣвушекъ и пряли бѣлый ленъ. Всѣ были на подборъ красавицы, одна другой краше. У каждой текли по лицу слезы, а въ сторонѣ отъ нихъ сидѣла старая престарая старуха съ плетью въ рукахъ и безпрестанно говорила:

— Ну, ну! не дримать!...еще время не пришло шевелите веретинами!....Да тоньше и ровнѣе дѣло будетъ ладнѣе.

— Ого!...Шепнулъ Всеславъ Баскѣ Видно она это лекарство не рѣдко подноситъ.

Лишь только Всеславъ сказалъ это, какъ старая вѣдьма уже успѣла дать плеткой здоровый ударъ по пышнымъ плечамъ одной изъ красавицъ, которая, бросила свой взглядъ на Всеслава.

Всеславъ, догодавшись, что отшельники говорили именно про этихъ дѣвушекъ оставилъ

у дверей Баску, а самъ подошелъ къ вѣдьмѣ:

— Послушай старая корга! ты что здѣсь за птица. спросилъ Всеславъ.

— А ты храбрый богатырь за чѣмъ сюда попалъ непрошеный?

— Да я и часто незваннымъ являюсь не взыщи мнѣ бы вотъ хотѣлось только узнать: кто здѣсь хозяинъ?

— Не старайся добраться до хозяина, какъ только онъ тебя здѣсь видитъ, такъ не больно похвалитъ, а такъ приголубитъ, что только небу жарко будетъ. Вотъ каковъ хозяинъ.

— Да кто же онъ такой, который презираетъ законы гостепріимства? спросилъ Всеславъ

— Лютоборъ, вотъ кто.

— А!...Лютоборъ. Ну этотъ хозяинъ теперь небудетъ страшенъ болѣе никому; онъ уже давно сидитъ въ аду. А ты что не его ли почтенная супруга.

— Да я его жена: Да ты потише.....меня сказками не устрашишь; ты долженъ прежде всего мнѣ отвѣсить низкій земной поклонъ, да поднести подарочекъ.

— А вотъ у меня подарочекъ. Славный подарочекъ, твоей милости, накрышкѣ угоришь отъ этого угощенія сказалъ Всеславъ, ударивъ мечемъ въ полъ, отъ чего посыпались множество искръ.

Эй вы прядите пряхи что заслушались этого пустомели и вѣдьма пошла крестить плетью дѣвушекъ. Всеславъ невыдержалъ, зная что Лютобора нѣтъ, который всѣхъ одѣлялъ своими волшебными чарами онъ подошелъ сзади къ вѣдьмѣ и быстро выхватилъ плеть началъ ее такъ бойко нажаривать по головѣ, по плечамъ и поспинѣ что она упала и завизжала. Тогда откинувъ плеть въ сторону, онъ отрѣзалъ ей уши и приказалъ просить у дѣвушекъ помилованія.

Какъ бы я не далась тебѣ въ обманъ, кричала карнаухая, нѣтъ я прежде всѣхъ передушу, чѣмъ отдамъ тебѣ моихъ работницъ и свирѣпая вѣдьма бросилась было на двухъ дѣвушекъ въ величайшей ярости, готовая своими костлявыми лапами исполнить гнустное злодѣяніе, но Баска быстро и вовремя схватилъ ее заплечи и повалилъ на полъ. А Всеславъ чтобы не мѣшкать въ освобожденіи дѣвушекъ и опасаясь вредной для перевозки чрезъ море погоды, пересѣкъ ее какъ муху на двое.

Дѣвушки сперва испугались, но потомъ видя, что богатырь убилъ ее обрадовались и даже обрадовались, когда узнали ихъ приглашаютъ вонъ и хотятъ освободить изъ заключенія. Они вышли чрезвычайно робко изъ башни впереди ихъ велъ Баска, а сопровождалъ ихъ Всеславъ. Выйдя изъ замка они поторо-

пились везти поскорѣе пока погода была очень хороша для перевоза. Воизбѣжаніи опасности Всеславъ и Баска сняли доспѣхи и положивъ ихъ опять въ свою плавучую корзину разсадили дѣвушекъ на двухъ лодкахъ; одной изъ нихъ правилъ Всеславъ, а другой Баска.

Дѣвушки радовались и плескались водою отъ удовольствія, но ни одна изъ нихъ неговорила ни слова. Это удивило Всеслава, который не могъ понять, какимъ образомъ такія прекрасныя дѣвушки, которыхъ невозможно оцѣнить подостоинству простымъ человѣческимъ языкомъ, потеряли даръ слова.

Однако это удивленіе нужно было замѣнить другаго рода недоумѣніемъ. Нужно было позаботится о пищѣ, такъ какъ дѣвушки не могли сказать, что онѣ хотятъ ѣсть или пить. Но находчивости Баски не было конца, онъ подстрѣлилъ лося и всѣхъ накормилъ изажаривъ его на голомъ огнѣ и потомъ опять занялся плѣтеніемъ корзинъ, которыхъ здѣлавъ три штуки, отложилъ въ сторону и пошелъ ловить арканомъ дикихъ лошадей.

Надобно замѣтить, что не было во всемъ Новгородѣ такого витязя, который такъ бы хорошо владѣлъ арканомъ, какъ онъ: бывало въ стычкѣ, если закѣмъ погонится на конѣ, кого нужно взять въ плѣнъ живьемъ, только бро-

ситъ арканъ, петля по его выбору не ошибется прямо на плечи и изъ сѣдла вонъ!

Наловилъ шесть лошадей мигомъ объѣздилъ ихъ и тотчасъ уставилъ по парѣ при помощи Всеслава, помѣстивъ между каждой парой лошадей по одной привязанной корзинѣ въ каждую изъ нихъ и усадилъ по двѣ дѣвушки, а въ послѣднюю троихъ. Лошадей такъ спуталъ между собою что какъ не дики они не могли не повиноваться удалымъ наѣздникамъ, Запасшись не затѣйливой, но питательной дичью, всадники избрали теперь болѣе удобный путь и стараясь пробиться къ предѣламъ кіевскаго княжепія для того чтобы избѣжать дикихъ наѣздниковъ. Впрочемъ, однажды на нихъ напала шайка Печенѣговъ, отъ которыхъ трудно было защищаться и защищать робкихъ дѣвушекъ которые могли съ испугу разбѣжаться то Всеславъ согласился съ ихъ начальннкомъ далъ имъ столько золота что Печенѣги съ удовольствіемъ взялись ихъ проводить до самаго мѣста. При такой надежной защитѣ, вступивъ на русскую почву, наши богатыри пересадили дѣвущекъ въ телѣги и колымаги, и привезли ихъ всѣхъ семерыхъ, гдѣ Громобой строилъ свою обитель.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Судьба героевъ разсказа.

Наши путницы въ теченіи дороги мало помалу попривыкли къ своимъ хозяевамъ и уже недичились ихъ вслѣдствіе деликатнаго обращенія.

Вотъ они подъѣзжаютъ къ заповѣдной полянѣ и чтоже видятъ: обитель построена и небольшая церковь уже закончена и золотой крестъ сіяетъ на нсго вершинѣ. Лишь только подъѣхали, какъ священникъ въ полномъ облаченіи вышелъ съ крестомъ въ рукахъ и рыцари подойдя къ кресту приложились. Священникъ поздравилъ съ благополучнымъ пріѣздомъ а вслѣдъ за тѣмъ Громобой разцѣловалъ сына и ловкаго оруженосца; братскимъ цѣлованіемъ привѣтствовали ихъ двѣнадцать отшельниковъ и старшій изъ нихъ сказалъ:

Братіе! дѣвы эти непорочные нѣмы, нѣкоторыхъ нужно привести косвятому крещенію а другихъ къ мѵропомазанію тогда откроются ихъ уста.

Предложеніе его было принято, и семь дѣвъ были крещены. Каково же было ихъ удивленіе, когда дѣвушки всѣ заговорили на русскомъ языкѣ, перестали быть дикими и тотчасъ же стали молиться Богу, какъ и всѣ окружающіе.

Витязямъ было очень любопытно знать, что запричина такого заключенія дѣвушекъ за что такое тяжелое положеніе которое они выносили.

Дѣвушка повидимому старшая, начала:

Мы несчастныя не крещеныя или проклятыія родителями дочери; неблагоразумные родители, видя шалости дѣтей часто безсознательно приносятъ ихъ или посылаютъ къ нечистому духу; эти губительные слова, произносимыя кѣмъ бы то небыло пагубно, а тѣмъ болѣе, когда родчтели произносятъ такіе слова надъ дѣтьми, которыхъ они обязаны соблюдать въ вѣрѣ и благочестіи.

Злой духъ Лютоборъ, пользовался этимъ случаемъ и когда я будучи дочерью Кіевскаго богатыря гуляла въ саду.—съ няней, послѣ того, какъ меня мать прокляла за дѣтскую шалость, появился, вихрь поднялъ меня и въ мигъ

перенесъ въ тотъ замокъ, откуда выручилъ насъ витязь Всеславъ.

Здѣсь намъ жена его отвратительная вѣдьма, которой поручено было хозяйство въ замкѣ, такъ какъ Лютоборъ рѣдко жилъ въ немъ и болѣе всего обращалъ въ сѣверныхъ предѣлахъ православныхъ людей въ поклонниковъ черно-бога, чтобы обогощать адъ и пріобрѣсти дружбу дьявольскаго князя. Этотъ-то Лютоборъ своими поступками до того заслужилъ дружбу Вельзевула, что тотъ продлилъ его жизнь до 400 лѣтъ.

Старая вѣдьма, жена его мучила насъ ежеминутно плетью, заставляя работать безъ устали, и чтобы мы некричали отняла у насъ употребленіе языка; мы всегда ложились спать поздно и съ избитыми плечами и спинами то въ теченіи ночи безжалостная вѣдьма сосала изъ насъ кровь по очередно чрезъ раны, пока на конецъ не засыпала отъ опьяненія.

Чтобы мы не вздумали убѣжать изъ своей тюрьмы, наши двери охраняло множество рыцарей; эти рыцари, которые видѣли наши избавители были трупы и кости, удавлиниковъ, утопленниковъ и продавшихъ душу дьяволу, и только адскими искуствомъ поклонникъ черно-

бога могъ сдѣлать такъ, чтобы они могли дѣйствовать въ оборону и охрану насъ.

Всѣ мои шесть сестеръ, такъ мы считались между собою терпѣли одну и туже участь; намъ съ малыхъ лѣтъ со времени заточенія неизвѣстны были игры кромѣ работъ веретеномъ, За который насъ съ побоями усаживала вѣдьма И за что мы получали всѣ эти страданія? за то что насъ родители или прокляли или ругали разными словами неприличнаго значенія

Дѣвушекъ отвеля въ особо приготовленную свѣтлицу и оставили ихъ тамъ послѣ обѣда отдохнуть.

Нужно замѣтить, что пріѣздъ дѣвицъ въ сопровожденіи Всеслава и Баски прибылъ на другой день послѣ освященія церкви и старцы оставивъ свое подземелье игдѣ прожили болѣе тринадцати лѣтъ уже перемѣстились въ свои новыя кельи.

Сколько благословеній, сколько благодарности получилъ Громобой и сынъ заоказанное имъ добро. Лишь только раздался колокольній звонъ въ пустынѣ, о которомъ никогда незнали поселяне, то отовсюду стеклись они и вотъ при самомъ освѣщеніи храма каждый принесъ

свое посильное приношеніе, кто чѣмъ могъ и вотъ умирныхъ обителей одинокой пустынтаи въ ихъ небольшомъ амбарѣ съ легой руки оказалось небольшое количество правизіи. въ церковной кружкѣ деньги и нашлись сердо больные женщины, пожертвовавшіе полотномъ и холстиной.

Было уже поздно, спутники давно легли спать послѣ непрестаннаго бдѣнія какъ Громобой сѣвъ у источника сказалъ сыну.

— Ну, сынъ мой ты сознаешъ ли свою вину предъ Богомъ, когда ты хотѣлъ рѣшит-ся продать свою душу.

— Въ ту же минуту сознаIъ свое прегрѣшеніе любезный батюшка и вся тяжесть мученія пропала, я нечувствовалъ его даже и тогда, когда по пріѣздѣ въ Великій Новгородъ нечаянно увидѣлъ Свѣтлану.

— Ну а теперь, сравнивая Свѣтлану съ красотою этихъ дѣвицъ, какъ ты находишъ лучше ли ихъ была Свѣтлана?

— Нѣтъ сравненія, что послѣднія изъ нихъ краше во сто разъ Свѣтланы.

— Понравилась ли тебѣ которая нибудь?

— Мнѣ? одна изъ нихъ нравится и я охотно бы женился на ней батюшка.

— Хорошо. Я исполню твое желаніе и тѣмъ болѣе, что я это общее желаніе старцевъ; они предвидятъ много и ты пусть въ этой церкви совершишь первую свадьбу.

— Сынъ поклонился въ ноги отцу и сказалъ: надѣюсь родитель мой, что я успѣю возвратиться къ добрымъ мыслямъ и укрѣпиться въ благочестіи, наслѣдуя твои добрые примѣры.

— Ступай и спи Всеславъ въ келгіѣ нашего добрѣйшаго Предислава; его благодѣянія для насъ безчислены и неимѣютъ предѣловъ. Онъ меня съ тобою спасъ отъ вѣчнаго мученія и направилъ къ добру.

Всеславъ отправился въ радостномъ волненіи отъ обѣщанія отца и скоро заснулъ между тѣмъ, какъ Громобой разбудивъ своего вѣрнаго оруженосца, сказалъ!

— Извини Баска! не смотря на твой огромный трудъ отъ дальнаго пути и усталость я буду просить тебя, а не приказывать, чтобы ты съѣздилъ въ Новгородъ чтобы пріѣхага

моя жена такъ какъ я рѣшился вновь построенной церкви обвѣнчать моего сына. Позаботься также, чтобы сюда привезли обозъ со съѣстными припасами и если кто можетъ изъ молодыхъ товарищей сына захочетъ быть при бракосочетаніи, то пусть ѣдутъ; разумѣется дѣлай все поскорѣе. Лошадей нещадите.

Всеславъ и Громобой еще невставали съ постелей, какъ уже Баска, вскочивъ на коня, мчался въ Новгородъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ въ Новгородъ и объявилъ радостную вѣсть, что они успѣли совершить успѣшно походъ на Хвалынское море, доставить къ Громобою семь дѣвушекъ красавицъ изъ которыхъ одна полюбилась Всеславу и Воевода его хочетъ на одной женить сына и обвѣнчаться во вновь освѣщенной церкви, и при этомъ описалъ всѣ тѣ подробности, которые велѣлъ передать Громобой женѣ.

Сборы были недолги, но въ тотъ же день разнеслась по городу вѣсть о томъ, что красавца Всеслава будутъ вѣнчать на неописанной морской красавицѣ.

— Шумъ пошелъ такой, что чуть на Вѣчѣ не ударили въ колоколъ. Молодежъ вся въ

одинъ голосъ заговорила отомъ, что, молъ надобно посмотрѣть на красавицъ; потомъ вѣсть разнеслась, что такихъ красавицъ и въ Новгородѣ не найдешъ, потомъ,—что ихъ не одна, а семь....Словомъ вскружились у холостой молодежи удалыя головы. Новгородская знатная молодежъ приходитъ къ Натальѣ Буслаевнѣ:

— Матушка ты наша Наталья Буслаевна не погнѣвайся на насъ, а порѣший ты нашу заботушку.

— Изволь те, изволь те добрые витязи, говоритъ жена Громобоя, говорите, что вамъ нужно?

— Позволь съ тобой ѣхать посмотрѣть на Всеслава, давно не видали, а слухомъ земля полниться, што вы родители хотите поженить Всеслава.

— Да, эта правда.

— То - то, да кстатѣ невѣстку посмотрѣть.

— Да тамъ невѣстъ и вамъ достанетъ смѣялась жена Громобоя.

— То то и есть, можетъ какая и полюбиться, шутили посмѣяваясь посадниковъ дѣти, почесывая затылки.

— Поѣдемте, поѣдемте, повторяла жена воеводы.

Вотъ обозъ уже тянулся сзади колымаги Натальи Буслаевны, ѣхавшей не очень шибко какъ впереди ея въ видѣ авангарда ѣхало шестеро красивыхъ молодыхъ всадниковъ, которые шутили, пересыпая изъ пустаго въ порожнее.

Долголи, коротколи, только скоро достигли обители отшельниковъ. Натальѣ очень понравилась мѣстность и вмѣстѣ съ тѣмъ самые обитатели этаго тихаго пріюта.

— Ну гдѣ же твоя невѣста, спросила мать, желая посмотрѣть на дѣвушку. Да вотъ въ этой свѣтлицѣ всѣ они матушка, сказалъ Всеславъ указывая на дверь.

Лишь только къ дѣвушкамъ вошла мать, Всеслава, какъ они стали обниматься по очередно, радуясь что они встрѣтили первую добрую женщину такъ кнамъ кромѣ своей старой колдуньи они никого не видали. Но когда она стала разглядывать красавицъ, то ее изумила ослѣпительная красота всѣхъ семерыхъ красота неподдѣльная, такъ что трудно было отдать одной предъ другой преимущество.

— Право, всѣ такъ хороши онѣ, что я не знаю которой отдать преимущество.

— Ее Людьмилой кличутъ, сказалъ Всеславъ.

И чрезъ часъ священникъ обручилъ Всеслава и Людмилу. А утромъ другаго дня было положено молодыхъ обвѣнчать.

Такъ, какже братцы давайте и мы повѣнчаемся коли такъ, Посмотрика дѣвушки какія красавицы, правда што морскія, въ Новгородѣ умрешь не найдешь. Ты Любоміръ хочешь чтоль, жениться?

— Да ничего бы, а ты Мірославъ?

— За одно братцы.

Молодежъ приступила къ Громобою: позволь повѣнчаться, ты имъ отецъ.!

— Я насебя грѣха не принимаю, а вы не ловко дѣлаете, если только безъ родительскаго благословенія хотите жениться; но оказалось, что они изключая двоихъ всѣ сироты, только двое имѣютъ родителей и что послѣдніе получили благословеніе набракъ въ надеждѣ, что Громобой неповедетъ молодежь на худо.

Всѣ семеро вѣнчались въ одинъ день, и въ тотъ же день уѣхали въ Новгородъ, напутствуемыя благословеніями пустынниковъ.

Всѣ были веселы, счастливы, пустынники также благословляли ихъ за дары, которыми такъ щедро одѣлилъ ихъ Громобой.

— Богъ благословитъ тебя мужъ благочестія! незабывай насъ и обитель тобою построеную; намъ уже недолго обитать въ этой пустыни.

Громобой обѣщалъ и какъ всегда просилъ ихъ молить осчастіи семейства, и благодѣнствіи Новгорода. Всѣ пріѣхали въ Новгородъ.

Шумный говоръ пронесся по всей вѣси Новгородской о пріѣздѣ семи паръ новобрачныхъ Всѣ спѣшили смотрѣть на нихъ по какому странному любопытству. Дѣвушки бѣжали смотрѣть на вкусъ убранства и на богатство паряда, женщины какъ хорошія цѣнительницы взвѣшивали достоинство разумѣется понаружнымъ призпакамъ жениха и невѣсты, опредѣляя, кто кого стоитъ; нѣкоторыя изъ женщинъ и дѣвушекъ ходили смотрѣть на новобрачную молодежь изъ гордости чтобы сличить свою красоту съ красотою другихъ и найти въ дру-

гихъ недостатокъ. Но сколько не смотрѣло, какъ не судила ни одна къ великой досадѣ не могли опорочить красоту ни одной изъ красавицъ.

Тогда приступили къ оцѣнкѣ рода племяни но это было скрыто отовсѣхъ.

Пиры пошли хадуномъ по всему городу, и свадебныя пирушки длились цѣлую недѣлю. Много пива крѣпкаго меду шипучаго пролилось и выпилось въ Новгородѣ. Холостая молодежъ кусала губы съ досады глядя на красоту молодыхъ, а особенно на супругу Всеслава, Ратмиру и говорили между собою;

— Эхъ братцы!...ужъ некатнуть ли намъ также на Хвалынское морѣ за морскими красавицами? Можетъ быть съ того то времени и пешлс гулять да погуливать Новгородская вольница по матушкѣ Волгѣ на ладьяхъ и шкуяхъ вдоль поматушкѣ Волгѣ.

Чрезъ годъ молодыя моряпки подарили своимъ мужьямъ по сыночку.

Прошло нѣсколько лѣтъ. И двѣнадцать пустынниковъ перешли въ вѣчность, но обитель неосиротѣла и двѣнадцать келлій были наполнены новыми иноками, а храмъ также какъ и прежде былъ наполняемъ хвалебными пѣснями.

Всеславъ мужалъ, Громобой старался внуки подростали, Наталья Буслаевна первая сошла въ могилу и бренныя остатки ея свезли въ ими устроенную обитель.

Громобою, лишившемуся подруги, было очень грустно. Съ каждымъ днемъ онъ становился задумчивѣе и наконецъ рѣшился проститься съ міромъ и затвориться въ своей обители. Ничто его болѣе не удерживало въ жизни.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ доска на одной изъ внутреннихъ стѣнъ вѣщала:

Здѣ покоится прахъ
Новгородскаго богатыря
Воеводы Громобоя въ иночествѣ
Георгія лѣта... Житія
Его было 73 года.

КОНЕЦЪ.

Стр.

ПРОДАЕТСЯ
у
ИЗДАТЕЛЯ КНИГОПРОДАВЦА
П. Н. ШАРАПОВА,
У НЕГО ЖЕ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ
КАРТИНЫ РАЗНАГО ДОСТОИНСТВА
ВЪ ЛАВКѢ БЛИЗЪ ИЛЬИНСКИХЪ ВОРОТЪ
ВЪ МОСКВѢ.

